

ДУХLESS

ПОВЕСТЬ О НЕНАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

ПЕРВЫЙ НОМЕР

В ТУАЛЕТАХ НОЧНЫХ
КЛУБОВ МОЖНО
НАЙТИ НЕ ТОЛЬКО
МЫЛО

стр. 68

ТУСОВКА

ВСЯ ПРАВДА
О PRADA

стр. 116

ОФИС

КАК ВЫЖИТЬ
В СХВАТКЕ
С КОРПОРАТИВНЫМИ
МОНСТРАМИ

стр. 21

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ЛЮБОВЬ, КОТОРОЙ
ТЫ ДОСТОИН

стр. 283

М+М

В ДЖАЗЕ ТОЛЬКО
МАЛЬЧИКИ

стр. 127

Сергей Сергеевич Минаев
Духless: Повесть о ненастоящем человеке
Серия «Духless», книга 1

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134295*

*Духless. Повесть о ненастоящем человеке: АСТ, Транзиткнига, АСТ Москва; Москва; 2007
ISBN 5-17-033851-1, 5-9713-0834-3, 5-9578-3011-9*

Аннотация

Поколению 1970–1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь яростен и чья жизнь была столь бездарно растрачена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем, где все должно было быть иначе... R.I.P.

...Я не могу позволить себе, чтобы в моей машине на заднем сиденье валялась книга с названием «Комбат атакует» или «Спецназ выходит на связь». Я не смотрю «Бригаду», не люблю русский рок, у меня нет компакт-диска Сереги с «Черным „бумером“». Я читаю Уэльбека, Эллиса, смотрю старое кино с Марлен Дитрих. И свои первые деньги я потратил не на „бэжу“ четырехлетней, как у пацанов, а на поездку в Париж.

И меня распирает от нежности и романтики ситуации, и мне хорошо, как в детстве, когда мама укрывала меня, спящего, одеялом. И мне кажется, что весы качнулись. И та их чаша, наполненная кусочками хорошего, осколками, покоящимися где-то в глубине меня, пошла вниз, перевесив все мои гадости, казавшиеся до сегодняшней ночи доминантами. Или все это мне только кажется?

Содержание

In Memory Of Our Sweet Dreams	4
Achtung, Baby!	5
Часть первая	7
Ресторан	7
Офис	11
Промоутер	26
Perfect day	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

С. Минаев

Duxless. Повесть о ненастоящем человеке

Посвящается Юлии Лаццининой

Спасибо моим друзьям, без участия которых эта книга не увидела бы свет, – Игорю Бухарову, Константину Рыкову, Виталию Нотову

Какие ценности из тех, в которые свято верили наши деды, можно было теперь воспринимать всерьез? Патриотизм, религия, империя, семья, святыня брака, чинная солидарность, продолжение рода, воспитание, честь, дисциплина – теперь каждый в мгновение ока мог поставить все это под сомнение. Но к чему приходишь, отвергнув такие непреложности?..

Дж. Оруэлл

Жить стало лучше, товарищи! Жить стало веселее!
И.В. Сталин

In Memory Of Our Sweet Dreams

Поколению 1970–1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь ярок и чья жизнь была столь бездарно растрочена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем, где все должно было быть иначе... R.I.P.

Achtung, Baby!

Все совпадения с реально живущими персонажами, фактами и явлениями случайны. Все события и герои, вся мерзость и ужасы описанного общества выдуманы автором. Ибо реальность еще более омерзительна и ужасна...

*Look at all that shines
Baby's down on the world and she knows it
If your spirit's running
Why don't me make it rain like we used to
We run
We hide
We wait and we want
The good life
Aw sure
You're right
This ain't, the good life*

*Ah, Elegantly wasted
Ah, Elegantly wasted*

*Look at all the crimes
Baby's down on the world cause she owns it
Making up her life
Nothing more, nothing less makes it Voodoo
We run
We hide
We wait and we want
The good life
Aw sure
You're right
This ain't, the good life*

*Ah, Elegantly wasted
Ah, Elegantly wasted*

*We look at all that shines
Baby's down on the world and she knows it
If your spirit's fine
Why don't we make it rain like we used to
We run
We hide
We want
The good life
Aw sure
You're right
This ain't, the good life*

*Ah, Elegantly wasted
(you could be right, you could be certain,
you could be right)
Ah, Elegantly wasted
Ah, Elegantly wasted*

*(you could be right, you could be certain,
you could be right)
Ah, Elegantly wasted (feels like, feels like)
Elegantly wasted – you could be right
Elegantly wasted – you could be certain
Elegantly wasted – you could be right
Feels right, feels right*

INXS. «Elegantly wasted»

Часть первая Get Rich Or Die Tryin¹

Ресторан

*Ladies with an attitude
Fellows that were in the mood
Don't just stand there let's get to it
Strike a pose there's nothing to it
Vogue
Vogue
Madonna. «Vogue»*

Все начинается здесь, в Москве. Я сижу со своим знакомым Тимуром, одним из тех знакомых, которых все по привычке называют друзьями, хотя, конечно, никакие они не друзья, а просто люди, которым ты звонишь, когда тебе нечем занять вечер и нужен собутыльник, чтобы просадить в кабаке очередную пару сотен.

Мы сидим в «Vogue Cafe», в котором (как известно из московской тусовки) плохая кухня, проблемы с паркингом, хамоватый персонал и вечные толпы у барной стойки. Несмотря на всю кучу сказанных об этом ресторане гадостей, он продолжает оставаться одним из самых популярных московских заведений. Видимо, тусовка ловит от нахождения в нем особый, сродни мазохистскому, кайф, если терпит все эти ужасы, сравнимые, безусловно, только с присутствием в нацистском концлагере. В те моменты, когда очередной московский тусовщик с именем Мигель или Дэн, отчаянно жестикулируя, рассказывает тебе очередную историю о том, как его «обхамили в “Vogue”», а после того, как он попытался поставить на место официанта, еще и специально «отравили дорадой», и при этом сравнивает сей ресторан с «этим... ну, ты понял... концлагерем... как его... Муратау, по-моему», — ты понимаешь, что, во-первых, этот придурок, который в школе не смог запомнить название Дахау, никакой не Мигель и не Дэн, а Миша или Денис и историю эту он так же придумал или своровал со страниц псевдомодного журнала, как и свое дурацкое имя-погоняло. А еще ты понимаешь (и в этот момент испытываешь благоговение до пяток, кое испытывали туземцы при виде кораблей испанских конкистадоров, приплывших выкачивать их золото), понимаешь, как на самом деле велик ресторатор Аркадий Новиков, построивший империю заведений для подобных людей.

Итак, мы сидим в «Vogue». Оба достаточно сильно пьяные. Я только что закончил рассказывать Тимуру идею постройки грязной пивной, с разбавленным пивом и пересушенной воблой, со всеми этими отвратительными совковыми запахами блевоты и разлитого по полу алкоголя. Этакой реанимации центра досуга пэтэушников и слесарей в районе Текстильщиков, в году так 1983-м. Идея была в том, что если проект откроет Аркаша, то все эти расфуфыренные мудаки будут бронировать там столики за неделю, чтобы платить баснословные счета за диссонанс между собственным «майбахом» и толстой официанткой в грязном переднике, подающей им плесневелые сосиски. И самое веселое в этом, что от плесневелых сосисок их будет переть в несколько раз круче, чем от собственного лимузина за несколько сотен тысяч евро. Они их будут жрать, нахваливать и рекомендовать друзьям. А ресторанные критики зайдутся в щенячьем визге в своих статьях о «новом ресторане Аркадия Новикова с

¹ Разбогатеи или сдохни, пытаюсь.

интересным, авторским подходом к кухне». Сойдясь на том, что будет «биток» и «мега», мы выпили еще по сто виски, и я впал в традиционное для себя состояние пустоты, когда вечер завершен, тебе снова жутко скучно и единственным желанием остается, чтобы твой собеседник молчал.

Как всегда, в такие моменты у собеседника открывается желание сказать тебе что-то очень важное. Тимур наклоняется вплотную к моему уху – так, что я начинаю ощущать из его рта запах алкоголя, пасты с томатами и сигаретного дыма, смешанного с вонью кариеса. Я пытаюсь чуть отстраниться, но этот пьяный дурак опять придвигается и шепотом, который можно расслышать на улице, предлагает мне вписаться в проект разведения рыб атлантических пород в Подмосковье. Понимая, что «музыку не остановить», я делаю вид, что мне охуительно интересно, и говорю, что, конечно, хочу в одночасье стать рыбным олигархом, особенно с таким умным партнером, как Тимур, который все сам рассчитал. А требуемые от меня вложения в 300 000 долларов у меня, конечно же (ради такого проекта!), найдутся (как, впрочем, и у него). Я слушаю весь этот бесперспективняк и, чтобы вконец не окосеть, рассматриваю окружающих нас шлюх.

В «Vogue», как и в любом модном ресторане, много проституток, выдающих себя за честных столичных девушек, и еще больше честных столичных девушек, почему-то выдающих себя за проституток. Чем первые отличаются от вторых, мне совершенно не понятно, засим, для простоты понимания, я зову эту категорию особей женского пола the telki.

Обшаривая зал глазами, я натываюсь на интересную парочку. За столом развалился толстый поц лет пятидесяти, с лысой головой и свиными глазенками, одетый в очень дорогой костюм, который тем не менее отвратительно на нем сидит. Одной рукой он сжимает сосисочными пальцами бокал с «Chateau Margaux» (бутылка предусмотрительно поставлена на стол так, чтобы большая часть зала могла видеть, что чувак лениво потягивает тысячу гринов), другой он поглаживает чувиху лет двадцати пяти. Таковую блондинистую сучку, в чем-то прадо-гуччи-подобном, с сумкой «Vuitton» и длинным маникюром. Он мацает ее под столом за коленки, щиплет за задницу, а она истерично смеется на весь зал и закидывает голову так, что вставленные в волосы темные очки чуть не падают на пол.

Еще один тупизм, которого я никогда не понимал, эти вечные – днем и ночью – темные очки в волосах у девок. Причем они ими никогда не пользуются по назначению, это превратилось в модный аксессуар, на манер того, как носят в волосах диадемы богатые французские телки. Вероятно, корни этой моды следует искать в советском времени, когда не было никаких темных очков и, урвав у фарцовщиков фирменные «глаза», их таскали с собой повсюду, даже в баню.

Этот старпер тем временем продолжает бубнить ей в ухо басом какой-то наверняка тупой и сальный анекдотик из застольного арсенала бывших комсомольских работников. Чувиха сидит с отсутствующим лицом и треплет его по шее. Старпер просит принести ему счет. Глядя на весь этот вавилонский блуд, я размышляю о том, что у старпера через десять минут после того, как принесут счет, начнется нешуточная проблема. Судя по тому, как суетливо он лапал эту телку, как бегал глазками по залу ресторана, пытаюсь понять, какое впечатление он производит на нее и окружающих, старпер занимается съемом в ресторанах «для галочки». Есть такая неврубная категория стареющих мужиков с большими бабками, которые пытаются доказать себе, своим деловым партнерам и друзьям то, что они «еще кобели». И это в свои-то годы! И вот сейчас, после навязчивых демонстраций собственной похоти, мужик повезет ее в гостиницу, они войдут в номер, он закажет шампанское и... его охватит отчаянный ужас, потому что, кроме как склонить ее к минету, он уже вряд ли на что-то способен. И стоял у него последний раз лет десять назад, когда он, бухой в жопу, внезапно трахнул свою жену у друзей на даче. Прикол в том, что чувиха, сидящая с ним за столом, все это понимает, более того, у нее таких стареющих донжуанов по восемь штук на неделе.

И что бы ему сразу обозначить все эти моменты, договориться «до суда» и иметь пару раз в неделю симпатичную молодую девчонку для выходов в свет?! Нет, он будет пыжиться от чувства собственной значимости, страдать из-за собственной упертости, потеть, беситься, палить бабки и опять иметь голый вассер.

Пока я обо всем этом думаю, мой приятель уже трясет головой, как китайский болванчик, роняет на себя сигаретный пепел и подходит в своем повествовании к тому моменту, как мы с ним уже заработали по несколько миллионов. Он заплетающимся языком несет какой-то бред про вложения денег, виллы на каком-то побережье и недвижимость в Москве. Я похлопываю его по плечу, говорю в ответ что-то про жизнь олигархов и поворачиваюсь, чтобы попросить счет. Удивительно сексуальная пара, за которой я наблюдал, тем временем встает из за стола. Я встречаюсь глазами со старпером и вижу в них испуг раненой птицы. Меня охватывает истеричный хохот, я пытаюсь закрыть рот руками, а мужик, понимая, над чем я угораю, понимает также, что и я знаю, что понят. От этого, вкупе с 600 граммами виски во лбу, меня сгибает пополам, и я начинаю гоготать на весь зал. Мужик берет свою чувиху под руку, и они стремительно покидают заведение. Я, с мыслями о том, что эта ситуация будет еще одним гвоздем в гроб сегодняшней попытки к сексу у лысого, иду в туалет.

Голова у меня кружится, в глазах пляшет и размножается унитаз. Одним словом – херово. Я, не в силах стоять, сажусь на унитаз и закуриваю. К горлу комками подступает тошнота. Я встаю, иду к раковине, минут десять плещу в лицо ледяной водой. Дверь туалета открывается, и заходит Тимур. Со словами «я заплатил там, я щaaa» он открывает дверь свободной кабинки и начинает с порога блевать. Ждать этого блюющего «олигарха по амбициям» мне как-то не улыбается. Я выхожу из туалета и направляюсь к выходу. На часах половина первого.

На улице, почувствовав озноб, я поднимаю воротник пиджака, закуриваю и тупо впляливаюсь в ночь, пытаюсь понять, где мне ловить такси (хотя дураку ясно, что дорога там одна, по Неглинной, и вариантов куда-то идти нет).

Сзади меня окликают. Я нехотя оборачиваюсь и вижу какую-то чувиху. Сконцентрировав органы зрения, я идентифицирую ее как свою бывшую сокурсницу Оксану Григорьеву. На курсе она была одной из самых эффектных девчонок, и у нас несколько месяцев длилось что-то наподобие романа. У нее в голове всегда были какие-то нескончаемые (вбитые ей в голову ее матерью, бывшим партийным боссом) иллюзии о том, как она великолепно должна жить в будущем. Этакая сплошная *dolce vita* с перелетами на частных самолетах из Парижа в Милан, с принцами на белых лимузинах и прочими атрибутами низкобюджетных голливудских фильмов-сказок. Затем она вышла замуж, как говорили, не очень удачно, и сейчас, даже своими мутными от алкоголя мозгами, я понимал, судя по ее внешнему виду, что она оказалась в третьей серии киноэпопеи «Утраченные иллюзии» производства киностудии «Это твоя жизнь, беби». Не очень врубаясь, о чем мне с ней говорить, я пьяно проблеял что-то вроде «Привет, как дела, ты куда?» и тем самым привел в действие детонатор бомбы под названием «женщина пьяна и одинока».

Как-то незаметно для себя я оказался в машине, которая везла нас к ней. По дороге домой и далее, у нее на кухне, я выслушал подробный отчет о том, кто из наших сокурсников как устроился в этой жизни, кто стал миллионером и в одночасье все просрал, от кого ушла жена и кто бросил Ленку из третьей группы с тремя детьми. Говоря все это, Оксана подсаживается ко мне, гладит меня по волосам и поправляет бретельку платья. В целом весь этот кадрез кажется мне каким-то фальшивым и лажовым. Я сижу чуть менее бухой, чем когда я выходил из «Vogue Cafe», и догоняюсь «Советским шампанским», которое она достала из холодильника. Я совершенно четко понимаю, что весь этот флирт с ее стороны вызван неудачным вечером, отсутствием какого-нибудь папика, которого она обычно цепляет по ресторанам, и вот эта ситуация «на безрыбье и рак рыба» мне как-то не по кайфу. Я киваю,

постоянно курю и думаю, под каким бы предлогом слинять от нее. Тем временем рассказ о наших сокурсниках подходит к концу. Все они, как выясняется, оказались по жизни лузерами, алкоголиками и наркоманами, и то, что они еще не умерли все разом, а продолжают влачить свое жалкое (по сравнению с ее, Оксанкиной, красивой и наполненной жизнью) состояние – лишь дело времени.

Оксана начинает пить эту гадость прямо из горла, временами у нее изо рта вырывается пена, она давится, кашляет и вульгарно ржет, как любая пьяная баба. Рассказ ее становится все менее связным. Она путается, роняет на себя и на меня зажженную сигарету, и я думаю, что произойдет быстрее: она прожжет мой пиджак или наконец сожжет свой мозг алкоголем?

Дальше начинают происходить еще более ужасные вещи. Она идет в ванную, проводит там минут пятнадцать и возвращается на кухню. По пути она сбрасывает халат, остается абсолютно голой и включает музыкальный центр, который наполняет помещение самой отвратительной и тошнотворной, на мой взгляд, мелодией. Той самой лирической композицией группы «Enigma», которая называется «Sadness» или «Madness», я в этом не очень силен. Она падает на диван рядом со мной, неловко стучаясь локтем (по-видимому, тем самым нервным окончанием, удар по которому вызывает пронзительную ноющую боль), ее лицо на несколько секунд искажает гримаса (что вызывает во мне приступ утробного смеха), и начинает расстегивать мне брюки. Я уже набрался до бровей, и мне в принципе по фигу, что у меня не стоит, тем более что иметь с ней секс мне совсем в падлу. Далее начинается неуверенная, пьяная имитация минета с какими-то булькающими звуками с ее стороны. Я в этот момент думаю о пошлости сложившейся ситуации. О пьяной, перманентно пытающейся издавать страстные звуки несчастной бабище, которая грезилась быть королевой, а стала обыкновенной ресторанной профурсеткой, о собственном бессилии и о завтрашнем рабочем дне. Еще я думаю, что под эту мелодию сотни тысяч европейских бургеров ежедневно трахаются со своими жирными женами, истеричными любовницами, и еще о чем-то в этом духе. Постепенно я проваливаюсь в сон, успевая отметить, что Оксана (видимо, в силу непрерывной занятости в своей сногшибательной жизни) перестала бороться с целлюлитом и он победил, как сорняки побеждают парниковые растения.

Мне снится Тимур, стоящий в высоких рыбацких сапогах на борту какого-то сейнера, полного рыб, бьющих хвостами, затем я успеваю подумать о том, что где-то читал о рыбах, снявшихся к беременности, затем мне снится толстяк из «Vogue Cafe», строящий мне глупые рожи. Последнее, что я помню, – это мысль о достаточно забавной идентичности наших с ним ситуаций. Я показываю ему во сне «фак» и окончательно отрубаясь...

Офис

Транснациональные корпорации с самыми раскрученными брэндами могут сколько угодно говорить о многообразии, но зримый результат их деятельности – это армия подростков-клонов, стройными рядами – «единообразно», как говорят маркетологи, – марширующая в глобальный супермаркет.

Наоми Кляйн. «No logo»

Следующим утром я прихожу на работу.

Стоит сказать, что контора моя является филиалом большой французской компании по продажам разных консервов. От кукурузы до зеленого горошка. Когда-то давно, лет десять назад, ее представительство в Москве открыл один непутевый чел. Жизнь он вел разгульную, весьма не по средствам, и, как и многие в начале девяностых, думал, что жизнь в атмосфере бесконечного праздника, когда сегодня ты пропил две тысячи долларов, а завтра наживешь непонятным образом еще пять, будет продолжаться вечно. Довольно быстро число лохов, которых можно было путать разнообразными аферами, сошло на нет вместе с количеством денег, которые эти самые лохи ему приносили. Суммы же проигранного в казино, промотанного по проституткам и ночным клубам, наоборот, возрастали с астрономической скоростью. В какой-то момент челу пришлось взять кредит в банке для латания бесчисленных дыр в своем бюджете. Кредит, ясное дело, брался с целью последующего кидалова банка. Стоит ли говорить, что банк (как, впрочем, и почти все в то время) оказался бандитским. И в один прекрасный и, возможно, даже солнечный день на пороге его офиса возникла группа крепких ребят, весьма дружелюбно настроенных, которые путем быстрого диалога, подкрепленного парой увесистых зуботычин, объяснили герою, что либо он несет деньги в банк, либо его несут в морг. Прикинув, что шансы исчезнуть ничтожно малы, этот чувак стал быстренько искать варианты нехитрой махинации, с помощью которой можно было бы найти искомую сумму. Тут выяснилось, что у его отца, когда-то работавшего в торгпредстве СССР во Франции, оказались некоторые завязки с тамошними промышленниками, которые, по счастью, искали партнера для открытия своего консервного бизнеса в России. Живо обрисовав им перспективы выхода на столь огромный (но столь же и опасный) рынок с надежным российским партнером (стоит ли сомневаться в нашей честности, ха-ха), он заполучает контракт. Открыт, как водится, офис, сидит секретарша, стоит пара шкафов с пустыми канцелярскими папками, а также имеется склад, готовый принять две фуры, стоимостью, равной сумме взятого кредита плюс некоторые проценты.

Когда товар пришел, его нужно было реализовывать, чтобы превратить груды набитого генно-модифицированным горохом и овощами металла в дензнаки. Реализация первой партии прошла столь быстро и столь успешно, что и сам чувак, и бандиты решили пока не резать курицу, несущую золотые яйца, а подзаработать деньжат на торговле, покрасть попутно у глупых френчей деньги, выделяемые на рекламу, а там посмотреть. Но, как и любой русской сказке, всему приходит конец. Не всегда счастливый. Поймав пару раз левые балансы и неубедительные отчеты о рекламных затратах (действительно, разве могут быть так похожи друг на друга пейзажи, окружающие 150 размещенных в Москве рекламных щитов, – выглядит так, будто пять щитов снимали с разных точек), французы сами приехали в Москву. Здесь они резво нашли выходы на соответствующие органы, в которых объяснили, что они-де инвестируют в Россию сотни тысяч долларов, а могут и миллионы, но здесь сидят люди не совсем, скажем так, честные и тормозят взаимовыгодный для наших стран бизнес. Соответствующие органы вошли в положение французов и, руководствуясь идеей укрепления российско-французских торговых связей, быстро отжали с поляны чувака с его бандитами.

Так получилась контора, в которой я тружусь на посту коммерческого директора.

Со временем из маленького офиса вырос целый монстр, с неповоротливой инфраструктурой, парой сотен сотрудников, алкоголиком-директором (с русской стороны), с жутким запахом изо рта и манерой собирать еженедельные совещания в девятнадцать нольдвэ.

Продажи шли довольно успешно, директор постепенно готовился к пенсии. Наезжавшие с проверками французы весело проводили время в клубе «Night Flight» с русскими проститутками. Низший персонал был низведен до состояния работников потогонных предприятий по пошиву кроссовок в Индонезии, а топ-менеджмент, частью коего я и имею честь быть, устроил диктатуру корпоративного рабства, замешенного на жути совковой министерской эстетики, получал ломовые бонусы, неимоверные командировочные и воровал, по мере возможностей, бюджеты. В общем, бизнес был построен как положено.

Наш милый офис находится в одном из первых бизнес-центров города. В Riverside Towers, этой цитадели корпоративного ужаса. Само название, по замыслу его создателей, должно, вероятно, вызывать у работающих в нем ассоциации с такими ажурными дворцами на берегу благословенной реки. Но у меня лично с первого дня работы оно вызывает ассоциации с жуткими готическими замками или юдолями зла из романов-фэнтези. Ранним зимним утром, когда на улице еще не слишком светло, кирпичные башни загораются восковыми глазницами окон, как ожившая иллюстрация к книгам Толкиена.

В особенности когда ты стоишь в девять утра на горке, перед въездом на территорию, и видишь, как стягиваются к башням людские и автомобильные потоки. Люди семянят, пытаются не опоздать на работу, многие на ходу лопочут по мобильникам, постепенно втягивая свои невыспавшиеся мозги в утреннюю суету города. (Мобильные телефоны выполняют в настоящее время, ко всему прочему, еще и функцию дополнительного будильника. Если первый будит тебя на работу, то второй сообщает тебе, что она уже началась.) Иногда мое воображение дорисовывает чуть сгорбленным фигуркам тюки на спинах, превращая их в крепостных рабов, ежедневно несущих своим хозяевам оброки в виде собственного здоровья, чувств и эмоций. Самое глупое и самое ужасное в этом то, что все это они делают по своей собственной воле, в отсутствие каких-либо кабальных крепостных грамот.

Ближе к десяти утра на стоянку медленно въезжают солидные представительские автомобили производства западногерманских концернов. Из них вылезают БОССЫ, вальяжно проходят в офисы, на ходу молниями из глаз испепеляя опоздавших или курящих на улице сотрудников. В Riverside Mordors² начинается новый день...

Да, кстати, курить в офисах, на этажах и на улице близко от входов – запрещается. Во-первых, курящие сотрудники меньше работают (уменьшается ли при этом ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА, не уточняется). Во-вторых – курение является источником многочисленных болезней (и как следствие, многочисленных оплачиваемых больничных листов), таких как: бронхит, легочные заболевания и т. д. Курящий человек может умереть и лежать в гробу на собственных похоронах с ужасным серовато-зеленым цветом лица (в противоположность скорпостижно скончавшемуся от переработок розовощекому некурящему коллеге), чем нарушит Инструкцию номер 234 «О внешнем виде сотрудника Компании, находящегося на корпоративных событиях, мероприятиях или в иных Общественных Местах, где он может быть напрямую ассоциирован с Компанией».

Напротив, топ-менеджерам, к числу коих я, по недоразумению, принадлежу, в виде поблажки негласно разрешается курить в собственных кабинетах. Этим, наверное, Компания подчеркивает, что ей все равно, от чего и с каким цветом лица вы сдохнете. В вас вбухано столько корпоративных денег, что руководство Компании не то что не заявится к вам на похороны, а трижды перекрестится по поводу вашей кончины. Такова жизнь. Большую ее

² Мордор – обитель Черного Властелина, цитадель абсолютного зла в трилогии Толкиена «Властелин Колец».

часть ты карабкаешься в стремлении занять место под солнцем, а когда достигаешь желаемого, то подчас выпускаешь дух, так и не успев насладиться его первыми лучами.

Я, как поднаторевший в корпоративном этикете бульдог, заблаговременно позвонил в девять утра собственной секретарше, чтобы она сообщала всем о моей мифической утренней встрече, съездил домой переодеться и, закапав в глаза визин, отправился на службу. К офису я подъехал без десяти одиннадцать.

И вот я выхожу из лифта на восьмом этаже и открываю дверь офиса, источая из себя флюиды вечных ценностей, таких как: пунктуальность, служебное рвение, начальственная мудрость и забота об интересах Компании.

При входе размещается ресепшн. Ажно с тремя секретаршами. Я здороваюсь, все три одновременно поднимают головы от книжек формата «покетбук» и говорят мне: «Доброе утро». Мониторы компьютеров практически загораживают их лица. Разглядеть, кто сидит за ресепшн-деск, можно только в просветы между мониторами. Таким образом, создается полнейшая иллюзия того, что наши секретарши сидят в долговременной огневой точке. Сотрудники неделями безуспешно осаждают это современное фортификационное сооружение, пытаясь получить нужную информацию, заказать себе разъездную машину или соединиться по телефону с топ-менеджментом. Добавим сюда каменные лбы секретарш, их пулеметные скороговорки, бухающие фугасом хамские выкрики по отношению к сотрудникам низшего звена, и иллюзия превратится в реальность. Воистину, не много у нас найдется Матросовых, способных собственной грудью броситься на амбразуру секретариата с гранатой в руках, чтобы оградить весь офис от их хамства, нежелания работать и проблем, вызванных их полнейшей профессиональной непригодностью.

Казалось бы, что легче их уволить и найти новых? Вежливых, предупредительных и работающих. Но во-первых, они ловко научились беременеть, чувствуя надвигающуюся грозу (увольнение). Во-вторых, на вакантные места выбывших в декретный отпуск они тотчас же приводят своих подруг, таких же твердолобых ослиц, создавая у руководства полную уверенность в том, что секретарша – это не должность, а особая человеческая порода, с детства обученная тупить, филонить и хамить окружающим. Так и живет наш секретариат годами. Половина перманентно в декрете, вторая половина (временно заменяющая первую) на испытательном сроке (видимо, бессрочном), защищенные КЗОТом, как ДЗОТом. Железобетонно.

Я прохожу к своему кабинету, в этот момент одна из секретарш начинает говорить с места:

– Пойдите, тут для вас конверт передали.

– Откуда? – спрашиваю я.

– Вот, тут у меня записано было. – Она встает с места и начинает рассеянно ковыряться в бумагах на столе. Тут же забывает, что ищет, и застывает в растерянности.

– Если найдете, принесите мне тогда, о'кей?

Я-то точно знаю, что наши секретарши – андроиды. И работают они притом от сети. В стульях запаяны контакты, снабжающие секретарш энергией и поддерживающие их жизнеобеспечение. Стоит им подняться со стула, как контакт размыкается, вызывая сбой в информационной системе секретарши. Начинаются неполадки, грозящие стереть у нее всю память и вывести из строя на месяц. Находясь на работе, они могут передвигаться без сети только на расстояние до туалета или кабинета директора. А уходя на обед или уезжая домой, они переключаются в режим «Улица», позволяющий воспринимать информацию, только написанную в книгах формата «покетбук».

Я захожу в свой кабинет, моя секретарша стремительно скидывает «окна» эксплорера. Идиотка, как будто бы я не знаю, что ты целыми днями виснешь на сайте damochka.ru в поисках неземной любви или хотя бы элементарной ебли. Как-то, подсмотрев ее ник на

«дамочке», я полдня разводил ее на местном форуме, посылал по почте фотографии мачо, взятые мной из Интернета, затем назначил встречу в интернет-кафе «Мах» на Новокузнецкой, насладившись теми пятью минутами, когда она, краснея и мямля, просила отпустить ее раньше на полчаса. В общем, ухохотался я тогда неплохо.

Секретарша у меня мало чем отличается от своих коллег на ресепшн. Зовут ее Катей, она довольно глупая двадцатипятилетняя девка, переспрашивающая все по пять раз, но исполнительная. Не симпатичная (что скорее плюс, учитывая вред романов с собственной секретаршей), любящая часами обедать и сплетничать со своими офисными подругами. Ее суждения по разнообразным вопросам современности поражают космической глупостью и колхозной непримиримостью с чужой позицией. Пару раз она меня вырубала напрочь своими высказываниями по вопросам общественной морали, нравов, института брака и межполовых отношений. Таким образом, ко второму году нашей совместной работы мы совсем перестали разговаривать (исключая рабочие моменты), дабы не выводить из себя меня и не вгонять в краску ее. Я к ней уже привык, как привыкают к заедающему ящику рабочего стола или неустойчивой вешалке в углу кабинета.

Я здороваюсь (стоит ли говорить, что с похмелья я чересчур вежлив. Вежлив до такой степени, что иногда здороваюсь по несколько раз с одними и теми же людьми), прошу кофе и сажусь в кресло. Стол, как всегда, завален кучей бумаг, символизирующих непрерывность рабочих процессов и мою круглосуточную занятость. Следует отметить, что некоторые документы полугодовой давности. Куча занимает правый край весьма широкого стола, на котором также пребывают плоский монитор, беспроводная мышь, фотография, сделанная в прошлом году на встрече моих бывших одноклубников по «Спартаку», в котором я занимался в 1984–1988 годах. Еще имеются три стопки музыкальных дисков, выпущенных модными клубами Москвы, Питера и Европы. Как аудиосвидетельства моей night fever: от «Zeppelin» до «Costes». Что находится в ящиках стола, я вам поведать не могу, ибо не заглядываю в них с момента их первоначального заполнения.

За моей спиной большое окно с видом на набережную Яузы, в которое я часами пялюсь, размышляя о странностях бытия. Вот и сейчас я пью кофе и смотрю на проезжающие по улице машины. Ну что, amigos, наступило время и мне представиться?

Мне двадцать девять лет, четыре из которых проведены за стенами данного учреждения. Я служу здесь коммерческим директором, с личной секретаршей, служебной машиной, весомой годовой зарплатой и еще более весомыми годовыми бонусами. В мое ведение входят «продажи и развитие дистрибьюции компании», так, во всяком случае, написано в должностной инструкции. На самом деле свое рабочее время я в основном трачу на чтение подчиненным лекций по повышению их личного рвения (одни и те же фразы, в которых меняются только названия брэндов и текущий год), на их ежедневные избиения за недостаточно высокие продажи и скидывание собственной работы на чужие плечи.

Вы знаете, кто такой коммерческий директор на самом деле? Это такая современная разновидность дорогой проститутки, которая лавирует между интересами руководства, с их завышенными в несколько раз планами продаж, и интересами собственных подчиненных, не желающих эти планы претворять в жизнь. Поскольку, как и положено обращаться с проституткой, ебут тебя несколько раз на дню, вся твоя задача – это побыстрее довести клиента (босса) до оргазма, в идеале избежав секса в стиле S&M (порка за провал поставленных задач) и анального секса (тут уж как повезет, без всяких дополнительных бонусов).

Поскольку я профессиональная блядь, то и спектр услуг у меня достаточно широкий: классика (о ней говорилось выше);

ролевые игры по желанию клиента (партнер по футбольной команде, любитель рыбалки, поклонник творчества Есенина, фанат караоке, совместное составление на выходных бизнес-планов);

куннилингус (по приезде пятидесятилетней финансовой директрисы из Франции);
глубокий минет (это у меня первой строчкой в ежедневном расписании с пометкой «Не переусердствовать»);

лесбос (переговоры с руководителем продаж головного офиса в присутствии собственного босса);

услуги семейной паре (раз в два года по приезде владельцев холдинга, БОЛЬШИХ ДЯДЕЙ из города Парижа).

Вся суть работы коммерческого директора в хождении по этому лезвию корпоративной бритвы: когда верхи не хотят думать, а низы не могут по определению.

Одним ты говоришь, что как коммерческий директор думаешь прежде всего об интересах компании и перспективах бизнеса в отличие от своих подчиненных, которые думают только о собственной зарплате. Других ты уверяешь в том, что «сам из среды сейлс, такой же, как они, парень», который знает, как делаются результаты, и понимает всю тяжесть полевой работы.

Вот так я и живу последние четыре года. Утро туманное плавно переходит в рабочий полдень, который сменяется вечером трудного дня. Зима сменяется весной, а лето – осенью. (В смысле времен года. Хотя и в смысле названий клубов также.)

И все идет по плану, и лица твоих подчиненных меняются с калейдоскопической скоростью, и ты уже путаешь имена половины из них, а другую половину ты просто не знаешь, как зовут. И иногда твое отупение доходит до такого уровня, что для того, чтобы вспомнить точное название собственной компании, ты вынужден вытаскивать собственную визитку.

Просмотрев почту, а точнее, перепулив входящие письма от клиентов и партнеров своим подчиненным, я иду в комнату, где сидят менеджеры по продажам. В целом это единственные люди в компании, общение с которыми не вызывает у меня отвращения. Самая справедливая оплата труда, придуманная капиталистическим собственником, – это прямой процент комиссии с проданного. Лучший индикатор быстроты твоих передвижений и искусства продавать. То, что невозможно замылить и извратить никакими мифическими «маркет-ресёрчами» и «филд-репортами». Голая правда. И ничего, кроме правды. Посему линейный сейлс – это главные люди любой торговой компании. И самое гнусное, что может делать их руководитель, – это воровать их рабочее время. Изводя его на планерки, совещания и утренние проверки. Борьба с этим совещательством, пожалуй, единственное, чему я еще уделяю внимание. Видимо, вспоминая начало собственной карьеры, хождение под мудаками начальниками, выходцами из низших слоев советских министерств, которые совершенно не врубались в быстро меняющийся рынок и продолжали жить в системе «зарплата – прогрессивка – “тринадцатая”», я пытаюсь искоренить эту дубовую бюрократию. Был бы я менее ленив и более талантлив, я непременно написал бы «Оду торговым представителям» и заставил бы всех начальников заучить ее, чтобы всегда помнили, чей хлеб они едят и чей коньяк они пьют.

В сейлс-офисе тем временем один из начальников департаментов общается со своими подчиненными. Постигает рынок путем чтения их отчетов о проделанной работе, значит. О проверке рыночной ситуации путем собственного выезда «в поля» речь, разумеется, не идет. С получением мягкого кресла руководителя департамента у многих голова превращается в задницу.

– А вот в еженедельном отчете есть графа «Новости рынка. Конкуренция». А почему ты ее не заполняешь уже второй месяц? – обращается он к уставшему от глупых вопросов подчиненному.

– Так никаких новостей нет и новых продуктов, конкурирующих с нашими, не появилось, чего в ней писать-то?

– Ну... ну напиши чего-нибудь. Графа же здесь есть? Значит, нужно заполнять.

Я вспоминаю, как один достаточно талантливый сейлс написал как-то в этой графе, устав выслушивать подобные вопросы, про новый зеленый горошек, появившийся на рынке, в треугольных банках, с этикеткой, имитирующей нашу. Когда этот отчет принес мне его горе-руководитель, с лицом, кричащим о надвигающейся катастрофе, да еще и начал говорить мне о нестандартном ходе конкурентов, я загонял всех руководителей департаментов в поисках образца этой удивительной продукции. Как вы, наверное, догадываетесь, вернувшись с пустыми руками, они бормотали что-то вроде:

– Это был быстрый промоушн конкурентов. Вероятно, неудачный икспирьенс, поскольку продукция данного вида более не появлялась.

Вдоволь поиздевавшись над ними и их незнанием рынка, усугубленным ленью и взглядом на конкурентное поле из окна собственного офиса, я еще месяц переглядывался с написавшим этот отчет работником, улыбаясь нашему общему с ним розыгрышу.

Руководитель департамента, увидев, что я вошел, делает еще более серьезное лицо и произносит такую тираду:

– Хорошо, Александр. Отчет я принял, показатели у тебя по месяцу хорошие, только вот ты про свои визиты как-то неразвернуто пишешь. Целостное восприятие твоей работы нарушается у меня, понимаешь? Ну, иди, ладно.

Когда сейлс выходит, я сажусь на его место и говорю:

– Паша, вот скажи, зачем ты людей дронишь из-за ерунды? Он тебе план делает?

– Ну, да.

– Квартальный план выполнил? Прирост есть?

– Ну, да, но ведь отчеты. Есть же производственная дисциплина.

– И ты думаешь, что он больше продавать станет, если ты ему мозги запылишь этим? Если тебе интересно, чего он там развернуто обсуждает с закупщиками магазинов, ты бы съездил с ним на встречи. Вот ты скажи, ты сколько раз на прошлой неделе «в поле» был?

– Я... (на лбу Паши собираются морщины) я был занят офисной работой. И потом, ситуация не требовала моего аутсорсинга³ со стороны подчиненных.

– Чего она такого не требовала? – кривлюсь я.

– Аутсорсинга.

– А ты по-русски это слово сказать не можешь? «Моего привлечения», например? Или «моего участия»?

– Но ведь существует ряд общепринятых выражений в бизнес-этике, и я полагаю, что...

– Паша, ты рад должен быть, что он тебя, как ты выражаешься, не «аутсорсит». А то ты, наверное, и забыл уже, как с клиентами договариваться?

– Нет, я не забыл, просто отчеты нужно анализировать и на основе анализов должны строиться краткосрочные и долгосрочные планы, и поэтому я требую от своих подчиненных...

– А кто, по-твоему, их анализирует? И кто на основе этих отчетов планы составляет?

– Ну... руководство. – Он поднимает руку вверх, туда, где, по его мнению, живут небожители из топ-менеджмента.

– Паша, запомни. Отчеты эти не мне, а тебе нужны. Чтобы ты своим подчиненным правильные задачи ставил, а не ебал им мозги, заставляя писать мифологию про новые продукты. А я, дорогой мой, план продаж, в зависимости от того, сколько раз в неделю твой сейлс с тетей Клавой из гастронома «Надежда» побеседовал, не пишу. Понял?

– Ага.

³ Аутсорсинг (сленг) – от outsource – привлечь третьих лиц для выполнения работ.

– Ну вот и отлично. – Я, порядком устав от этого пустословия, направляюсь к двери. – Да, Паша, чуть не забыл. Ты ко мне на митинг в пятницу подтянись часиков в одиннадцать... И отчет о своих рабочих визитах и плане визитов на следующую неделю приатачь к себе, о'кей? Мы с тобой аналитику и устроим. Можешь мою секретаршу аутсорсить, кстати, она быстро печатает на компьютере.

Я возвращаюсь в свой кабинет, открываю файл, содержащий цифры ежедневных отгрузок компании, чтобы посмотреть картину в департаменте этого аутсорсера, Миши.

Мы все говорим о глобализации. О транснациональных корпорациях, поглощающих планету и превращающих ее в один гигантский завод с нечеловеческими условиями труда и нищенской зарплатой. Мы вслух, совершенно серьезно, рассуждаем о том, что макдоналдсы, кокаколы и майкрософты заставляют нас делать то-то и то-то.

Бред. Вы понимаете, что это полный бред? Здесь давно уже не нужно никого заставлять. Все двигаются навстречу «Компании Без Границ» семимильными шагами. Вдумайтесь, зачем мои подчиненные, эти не глупые, в общем, молодые люди, получившие хорошее российское образование, стремятся выглядеть тупее, чем они есть на самом деле? Образование в его классическом понимании. Не узкопрофильное, а разноплановое. Пусть не всегда глубокое по сути, но открывающее для сознания выпускника широкий горизонт для приложения усилий. Образование, ставящее системное мышление выше системного потребления. Кто из них дорожит этим?

Вместо того чтобы использовать свой базис, все они уподобляются твердолобым и узкоколейным американцам. Те же жесты, те же улыбки, та же манера поведения. Та же дурацкая манера говорить словами – рекламными слоганами. Зачем умные люди старательно, день за днем делают из себя идиотов?

Вы знаете, я ненавижу их не за то, что они клерки. А за то, что они мечтают быть клерками. Солдатами Международной Корпоративной Армии. И не дай вам Бог отнять у них эту мечту.

В унисон с мыслями про армию открывается дверь моего кабинета, и входит Саша. Заместитель нашего хозушника Петровича. Саша, так же как и Петрович, бывший вояка. Приблизительно месяц назад я просил Петровича поставить в мой кабинет новый «шредер» для измельчения документов, а также повесить на стену черно-белую фотографию девичьих ног на столе казино. Фотография в самом деле очень стильная.

Месяц эти деятели тянули кота за хвост, надеясь на то, что поручение отменят или о нем забудут. Раз в неделю моя секретарша звонила им, и вот наконец это свершилось. На вытянутых руках, торжественно, подобно шапке Мономаха, Саша вносит этот пресловутый «шредер». На его лице маска человека, исполняющего воинский долг.

– Чё так долго не приносили, Саш? Он своими ногами шел от поставщика?

– Не понял? Кто шел?

– «Шредер».

– Ты что! Они же в дефиците. Мы, чтобы его достать...

Далее следует витиеватая речь о том, что в Москве в 2004 году очень трудно найти «шредер». Еще минута, и я скорее всего услышу про «тяготы и лишения, которые мы испытывали в поисках “шредера”». Я киваю головой, а Саша тем временем пятится к выходу.

– Постой, постой, – говорю я, – а фотографию повесить? Я вот ее в рамку даже уже вставил!

Сашино лицо делается каменным. Он понимает, что сегодня уже ПЕРЕРАБОТАЛ.

– Может, я завтра зайду? – делает он робкую попытку улизнуть. – А то мне еще в бухгалтерии там надо кое-чего...

– Саш, ну хорош, а? Дел на пять секунд.

Саша подходит к моему столу, снимает телефонную трубку и набирает внутренний номер Петровича. Докладывает ситуацию. Получает «добро». Кладет трубку и говорит официальным тоном:

– Вешаем, значит. На каком расстоянии от плинтуса?

Я цепенею. Хороший вопрос, да? Вот что бы вы ответили? «На глаз»? Я тоже хотел так же сказать. Но побоялся услышать в ответ: «Это сколько в сантиметрах?»

Поэтому я, не моргая, отвечаю: «Метр девяносто два».

– Ну, я за рулеткой тогда пошел, – говорит Саша и уходит.

Дай Бог, чтобы через месяц зашел.

Почти все хозяйники в прошлом начальники складов, всевозможных частей обеспечения обмундированием и продовольствием. В общем, та самая наиболее твердолобая и тупая прослойка «сапогов», ничего общего не имеющая с русским офицерством и вообще людьми, защищающими Родину. Только по недоразумению все же именуемая «военными». Это они – герои бесчисленных анекдотов: «копать от забора и до обеда», «красить траву зеленкой к приезду начальства» и так далее. В жизни они мало отличаются от фольклорных персонажей.

В офисах, то есть, пользуясь их же терминологией, «на гражданке», они продолжают вести себя так же, как в армии. Например, деньги водителям на мойку представительских машин выдаются не тогда, когда машины становятся грязными, а тогда, когда «положено». Х раз в месяц в зимнее время года и Y раз в осенне-весеннее. Летом, вероятно, машины вообще мыть «не положено» – ввиду сухого климата. Оно и понятно. Военные тягачи, в принципе, моют раз в год. По приезде начальства.

Ручки, степлеры, скрепки и ластики выдаются не по мере необходимости, а раз в год, согласно акту инвентаризации.

Когда ты обращаешься к хозяйственнику за новым дыроколом, то в ответ всегда услышишь:

– А старый ваш где, интересно?

– Не знаю. Взял кто-то. В общем, его нет.

– Да вы понимаете?!

Тут же начинается получасовой монолог, из которого можно уяснить, что потеря дырокола равносильна потере полкового знамени. И за это преступление в прежние времена тебя бы под трибунал отправили. А то и расстреляли бы. После того как ты выслушиваешь эту ересь в надежде получить после ее окончания искомый предмет канцелярии, выясняется, что на склад их «не завезли». Я после таких ответов покрываюсь холодным потом.

Кто, блядь, не завез? Мировой комитет по поставке дыроколов? Дыроколмен из комиксов? Или это ты, ленивая сука, вместо того чтобы обеспечивать компанию средствами «для комфортного ведения бизнеса», закупать все своевременно, сидишь целыми днями на своей бетонной жопе и рисуешь инвентарные номера на всем, вплоть до скрепок? Была бы твоя воля, ты бы и на спинах сотрудников их начал бы рисовать.

Скорее всего все они являются членами тайной организации – Российского союза хозяйственников и администраторов, сокращенно РСХА. Цель организации – внедрение в коммерческие организации своих людей на соответствующие посты с последующим развалом экономической составляющей фирмы. Повсеместное насаждение бюрократии, тупости, мелкого воровства, саботажа, совкового мышления и развала рабочих процессов. Придет время, и все коммерческие структуры превратятся в Большие Склады: продуктов питания, спиртных напитков, канцелярии, автомобилей – в зависимости от прежнего профиля организации, уничтоженной членами РСХА. И вся Россия, таким образом, превратится в Царство Прапорщиков. От Мурманска до Владивостока по телеграфным и телефонным линиям (Интернет они к тому времени отменяют как средство, ускоряющее передачу информации)

будут нестись идиотские приказы и разнарядки, которые никто не будет спешить исполнять, в ожидании их последующей отмены.

Я так и слышу их будущие телефонные переговоры:

– Петрович, здравия желаю! (Всех начальников складов, естественно, будут звать Петровичами.)

– Здорово, Петрович. Чего случилось?

– У нас тут в Ленинграде народ замерзает, как в блокаду. Твой Склад нам состава три дров не пришлет? А то у нас в городе треть личного состава (жителей то есть) к весне перемрет.

– А как я тебе их пришлю? Мне разнарядка нужна из Главка, от Петровича.

– Так он умер два месяца назад, а нового не назначили еще, где ж я тебе разнарядку-то возьму?

– А я что могу? Без разнарядки не положено! Присылай разнарядку, тогда хоть всю тайгу вырубай. А без разнарядки не могу. Не положено.

– Да... ну будем ждать назначения в Главке. Устав есть устав. Ты-то как сам, дети, жена?

– Да путем, путем. Не болеем. Ты себя тож береги. Не мерзнешь? Теплое белье есть?

– Да нет вроде. У нас же штаб в бывшем музее каком-то расквартирован, ну был, может, когда? На площади такой, здоровой.

– Ага. Там посередь ее еще колонна какая-то?

– Так точно. Ну, вот сидим тут, топим пока. Картинными рамами да мебелью всякой старой. Тут ее как вшей. Мебели этой. До весны продержимся. А там, может, Главк чего решит.

– Ну, бывай, Петрович. Звони, если чего.

– Есть. Давай.

И пока мы тут прожигаем жизнь на клубных ристалищах, эти самые Петровичи, деловито и целенаправленно, как короеды, подтачивают деревья нашего бизнеса. И полная катастрофа состоит в том, что они даже успевают растить себе смену из таких вот Саш и Володь, работающих пока офис-менеджерами. В один прекрасный день, когда они окрепнут, все мы рискуем прийти на работу и получить двадцать пять лет лагерей по «суду тройки» (завхоз, администратор и офис-менеджер) за утерю двух ручек и одного маркера.

Пока я размазываю свои мысли между хозушником, руководителем департамента и оставшимися до конца рабочего дня часами, звонит внутренняя линия и секретарша САМОГО голосом каменного Сфинкса говорит мне:

– Пройдите, пожалуйста, к Алексею Андреевичу, – причем имя и отчество она выдыхает практически с дочерней нежностью.

Я надеваю пиджак, поправляю галстук, беру в руки ручку и блокнот (на случай если вдруг услышу гениальный способ добычи философского камня или решения теоремы Ферма) и направляюсь к САМОМУ.

Алексей Андреевич Кондратов явно чувствует себя еще хуже, чем я. Похмелье и (что еще страшнее в его возрасте) недосып написаны на его лице всеми красками медицинской палитры. Он воистину подобен радуге. Лицо его за те несколько секунд, что я стою в кабинете, поменяло цвет от бледно-лилового до серо-голубого. Первое, что мне хочется сказать ему, это: «Что же вы водку-то так жрете? Вам же не семнадцать лет, да и не двадцать семь давно уже».

Я здороваюсь, осведомляюсь о цели моего вызова и получаю кивок в сторону левого угла кабинета, где на стуле, как на жердочке, примостился заместитель финансового директора филиала, омерзительный, тощий француз Алан Гарридо. Я давно уже намекал Кондратову, что все проблемы и проверки, все то дерьмо, которое регулярно сыплется на наши

головы из Парижа, – плод наушничества месье Гарридо. Но судя по всему, этот жулик так втерся в доверие к головному офису (по зову родной крови, так сказать), что выкурить его пока не представляется возможным. Мы с Гарридо уже три года живем в режиме «фронт без линии фронта», всячески пакостим друг другу, тратим время на подставы и ругань, вместо того чтобы заниматься делом. Началась эта война после того как я жестко выступил против его инициативы урезать бюджет сейлс-структур в пользу общего бюджета продвижения компании и отдать всю рекламную и промо-активность филиалу французского агентства, директором коего работал лепший кореш Гарридо. Уж представляю, какие акции они бы намутили с нашим бюджетом и куда бы они что продвинули. С тех пор наша война то затухает, то разгорается вновь, поскольку этот урод не оставляет надежду вклеить мне между глаз, в отместку за тот инцидент.

– Вот полюбуйся, что наш отдел маркетинга выдумал, – говорит мне Кондратов.

Гарридо передает мне эскиз рекламного плаката консервированной кукурузы. На нем изображен настоящий мачо с волевым небритым лицом, сидящий за столом и готовящийся нырнуть лицом в горку кукурузы, лежащую на стеклянном столе. Рядом с горкой разбросаны монеты и банкноты. Поверх всего слоган:

«Сладкая кукуруза „Тандюэль“ – ИСТИННОЕ ЗОЛОТО».

– Ну и что? – спрашиваю я. – Была задача создания рекламных образов для региональных промоушенов, с идеей продукта для настоящих мужчин. Или чего-то подобного. В уставке из головного офиса все подробно написано. Вот они и создали. А в чем проблема?

– А у Алена другое мнение на сей счет, – говорит Кондратов.

– Да. Я хотел говорить на то, што этот имажь вьесьма провакасьон.

– Это чего же там такого провакасьон? – начинаю заводиться я. Краем глаза я вижу, что Кондратов очень хочет спрятаться под собственный стол и поспать там, чтобы не глядеть, как два корпоративных пса будут рвать друг друга пред светлыми очами.

– Этот имажь похож на гангста-фильм «Scar Faced» с Аль Пачино, ву компроне? (Продолжает он на англо-русско-французском диалекте.) Этот гора корн лукс лайк а (он делает паузу) драг, ю си? Нашь консьюмер не есть гангста. И это очень демеджь имажь брэнда и может вызывать у консьюмер не хороший фидлинг. О'кей? И у нас есть проблем, который нада решить. Вот что я хотел говорить.

И это уже за гранью. Даже такой испорченный персонаж, как я, не смог бы додуматься о сравнении кукурузы и наркотика. Причем этот придурок Гарридо даже не в силах произнести слово «кокаин» вслух. Хотя сам, я уверен, торчит вместе со своими дружками, французскими шеф-поварами и рекламистами. И Кондратов смущенно отводит лицо в сторону, тогда как сам Гарридо делает печальную гримасу и в кабинете повисает, как написал бы сценарист, «вязкая атмосфера сожаления». И обоим очень неудобно, что я «смог пропустить такое безобразие», и обоим очень трудно говорить в нашем респектабельном офисе об ЭТОЙ проблеме. И все мы заботимся о своем целомудрии в глазах потребителя и не хотим никого провоцировать, так как занимаемся «бизнесом, связанным со здоровьем» (консерванты, генная инженерия и т. д.). И оба, Гарридо и Кондратов, исполняют сейчас свой «гражданский долг» борьбы с пороком, присущим «каждому нормальному человеку без вредных привычек». Хотя Кондратов, практически законченный алкоголик, поедет сегодня, как истинный муж и отец двоих детей, к проституткам, а Гарридо ждут «нормальные коллеги из французского клуба». С пухлыми губами, крепким мужским рукопожатием и карточкой закрытого S&M-салона в кошельке.

Из царящего здесь лицемерия и ханжества об этом не принято говорить вслух. Город Москва похож на одну большую фирму, в которой запрещен доступ к порносайтам, тем не менее все поддрачивают в обеденный перерыв, договорившись с системным администратором. Миром давно уже не правит капитал. Лицемерие и ханжество – вот истинные короли

мира. Здесь все разнюхиваются кокаином, ходят, как олигофрены, трясая головами, но во всех печатных изданиях и СМИ эта тема старательно обходится стороной, табуируется и вымарывается чьим-то маркером. Конечно, никто не хочет говорить о своих пороках. Мы же приличные люди, а не какие-нибудь бандиты из тарантиновских фильмов. Мы живем с хроническим насморком, объясняя все плохим московским климатом, изводим в день по три-четыре пачки салфеток, смущенно отводим глаза, встречаясь со знакомыми или сослуживцами в туалете ресторана (в десятый раз за вечер), но при всем этом делаем возмущенное лицо при виде помятого лица подчиненного, презрительно хмыкаем, если заметим на столе у друга книжку Берроуза, запрещаем новые идеи для наружной рекламы, если она содержит слова, похожие или идентичные сленговым фразочкам из лексикона дилеров.

– Что это у вас за слоган такой? «Дорога в небеса»? Для наружной рекламы железной дороги до аэропорта? Вы хотя бы понимаете, что словосочетание весьма двусмысленно? Что оно может вызвать у многих граждан, ну, скажем так, не совсем адекватное восприятие? Нет, ну многие могут подумать, что... могут возникнуть проблемы...

Чувак, проблемы, по ходу, у тебя. Это не они, это ты старательно выискиваешь всюду знакомые символы и слова. Гаденько подхихикиваешь, находя их. Была бы твоя воля, ты бы запретил рекламу стирального порошка, употребление в печати слов «белый», «быстрый» и прочих. Услышав их, ты начинаешь нервничать, крутить в руках мобильный и потеть, ожидая, когда на его дисплее высветятся такие простые и близкие сердцу каждого московского тусовщика аббревиатуры, как СашаДил или ВоваПервый. Это у тебя проблемы, слышишь, придурок? Хочешь поговорить об этом? Конечно, нет...

Об этом Гарридо говорить не хочет. Он всем своим видом показывает, что говорить нам после ТАКОГО вообще не о чем. Он полностью упивается сидением на облаке собственной победы на этой дуэли.

– А как давно стали интересоваться финансовую службу нашей компании разработки департамента маркетинга? Или теперь этот отдел находится не в подчинении коммерческого директора, а в подчинении заместителя финансового директора? – спрашиваю я.

– Поскольку мы работаем в одной команде, я считал, что все, что есть в делах компании, есть респонсabilitи каждого ее сотрудника. Мы все делаем одно дело. Ви колл ит тим спирит, изн ит? Я провел достаточно время в малтийнейшнл-бизнес в Европе и Америка, и, беливь ми, есть принсиплс и рулз, которые уже приходят и в Россия. И имажь наших брэндов, и имажь нашей компании есть бейзис для успеха всех операций. Мне странно, что ви пока этого не понимаете, занимая такой пост. Стрейндж, риали стрейндж. Когда я работал в Америке, – он кивает в сторону Кондратова, – месье Алексис знает, о чем я, на спешл брэнд-тренингах нас учили...

Тут Гарридо «включает» программу «Иностранный профессионал учит работать русских бездельников»...

Экспаты... В начале девяностых в каждой уважающей себя конторе, занимающейся крупным бизнесом, на ответственных постах обязательно сидели экспаты. Если в то время это отчасти объяснялось нехваткой собственных профессиональных кадров, то сейчас этот рудимент почти необъясним. Безусловно, не стоит говорить о той части иностранных менеджеров, которая перекупалась за бешеные бабки во всяких там «BONY» или «British Petroleum» для подготовки вывода отечественного бизнеса на международный уровень. Как правило, приглашение такого профессионала себя оправдывает.

Для меня слово «экспат» является определением иностранного социума, состоящего из всяких менеджеров гостиничного бизнеса, директоров ресторанов, разного рода консультантов по ассортименту, маркетинговых специалистов, креативщиков и сейлс/оперейшн директоров. В большинстве своем это международные аферисты или обыкновенные неудачники, приехавшие сюда в начале-середине девяностых, с целью открытия в этой, тогда еще почти

дикой, стране собственного бизнеса по продаже стеклянных бус туземцам в обмен на золото. Яснее ясного, что те из них, которые не смогли в тот период адаптировать западные бизнес-модели со столетней историей в чистом поле российского предпринимательства, суть полные лузеры. Но на каждый вопрос подобного рода они всегда готовы ответить историей про то, как у них отняли блестящий и доходный бизнес казнокрады-чиновники или *krytie bandity from Taganka Area*.

Понятно, что человек, востребованный у себя на Родине, никогда не покинет ее для занятия бизнесом за ее пределами. Если только это не расширение бизнеса на интернациональном уровне или не передвижение в рамках мультинационального холдинга. Все прочие объяснения из серии «я просто лублу путешествовать» или «у вас такие красивые женщины» являются полной туфтой. Таким образом, на короткий период люди, вытесненные конкуренцией в своей стране, стали нашими бизнес-вождями. Им платили безумные (особенно в сравнении с их родными странами) зарплаты, покупали корпоративные квартиры и машины, оплачивали их ресторанные счета и загулы с проститутками, и они всем этим антуражем демонстрировали собственную успешность окружающим россиянам, которые еще не успели стать их работодателями. Таким образом создавался миф о том, что иностранец всегда дороже и всегда лучше отечественного сотрудника.

При всем этом резюме всех этих управляющих и консультантов во многом остается белым листом. Владельцы российских компаний говорили про своих иностранных топ-менеджеров:

– Как, ты не знаешь моего Джима? У него три года назад был такой успешный бизнес в России, потом он ко мне пришел работать.

Или:

– Ну, у Марка огромный опыт работы в ведущих французских рекламных агентствах.

Какие такие успешные бизнесы в России и какие такие ведущие агентства, не уточняется. Известно, что наша русская традиция иметь иностранцев на своей службе ведет свое начало от государя Петра. А вот традиция иметь у себя на службе иностранцев-аферистов началась, наверное, со времен войны 1812 года. Когда попавшие в плен французы оставались в услужении у русских дворян учителями музыки, языка, танцев и хороших манер. Действительно, раз он француз, то всяко хорошо танцует, знает манеры и музыку. У них ведь в Париже все такие? А пленные тут же принимались искать в себе эти достоинства, чтобы попасть в услужение. Так они и жили. Имея неплохое жалованье, авторитет (особенно в среде провинциального дворянства), они учили своих подопечных. Ну и частенько все заканчивалось как в бессмертном труде Александра Сергеевича Пушкина:

Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.

<...>

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.

Так же получилось и в современной России. Сначала грянули первые громкие скандалы о воровстве и растратах, затем начались обвинения в профнепригодности и доведении бизнеса до грани банкротства. А тут уж подросли и отечественные кадры (во многом уже испорченные западными «учителями»). И вот даже в филиалах западных монстров, которые

ранее под страхом пистолетов не подпускали в управление «не своих», в топ-менеджменте появляются русские.

Но безусловно, самые стойкие из описанного мной социума все еще остаются в России. И по-видимому, этих уже ничем не выкуришь. Ставшие наполовину русскими, прошедшие огонь и воду увольнений, банкротств и слияний, они цепляются за свое место зубами. Уже нет того высокомерия, той безудержной траты корпоративных благ, но нет-нет да и промелькнет поучающая нотка или снисходительный тон а-ля «ну я-то иностранец и в бизнесе побольше вашего понимаю».

Вот и сейчас Ален сидит с таким сосредоточенным лицом «истинного профессионала» и несет откровенную ахинею о том, чему учат на специальных брэнд-тренингах (которые он сам вряд ли посещал, а скорее прочитал об этом в бизнес-журнале). Он долго говорит о вопросах морали, семейных ценностях и обществе без пороков – как единственно верном подходе в рекламе продуктов нашей группы и рекламе вообще. И провоцируют потребителей, по его мнению, исключительно люди низкой профессиональной культуры. В особенности отвратительны провокации, связанные с наркотиками.

Наверное, он считает, что это очень круто – поставить на повестку дня вопрос о порочности нашего отдела маркетинга и покровительства этому с моей стороны. Но мы не в Америке, где Гарридо, по его словам, проработал десять лет. Мы в России. И здесь руководители не готовы сразу рвать на себе волосы из-за того, что пропустили такую ужасную провокацию. Главное в противоборствах с такими псевдоспециалистами – это бить их их же собственным оружием. И действовать при этом как можно наглее.

– Алексей Андреевич, а это вы обнаружили двусмысленность в этом рекламном плакате? Я имею в виду ассоциативный ряд с кокаином.

– Я? Нет, это Ален зашел и показал, а то бы так и проехало, – отвечает Кондратов.

– Ах Ален. Гм... – Я выдерживаю продолжительную паузу. – Ален, а вы знаете, что думают об этом плакате фокус-группы? Наш маркетинг опросил порядка двухсот респондентов в регионах, и вы знаете, с чем ассоциируется этот образ у них?

– Нет, а что, били фокус-груп? Я не зналь об этом. И что же оныи сказаль?

– Так вот, господа. Региональные потребители ассоциируют данного мужчину с победителем в казино или на скачках (банкноты и купюры на плакате), который вдруг осознал, что есть еще более важные, чем деньги, ценности. Понимаете, Ален? Более важные ценности. И ни один из опрошенных не провел аналогии с кокаином. Кроме вас, разумеется. Но для меня очень важно ваше мнение, и я, допуская, что несколько сотен потребителей все же смогут увидеть негативные аналогии, так же как и вы, пошлю этот имажь на доработку.

– Это ошень интересно, что сказаль потребители, а можно увидеть репортс? – спрашивает Гарридо, зеленея.

– Завтра с утра. Пархоменко сегодня выходной, все материалы только у него, но то, что я видел, говорит против вашей версии с наркотиками.

Кондратов, с облегчением от того, что беседа подходит к концу, вздыхает и говорит следующее:

– Ну вот видите, Ален. Я же вам говорил, что у нас не бывает ситуаций без контроля. Я был уверен, что маркетинг работал в тесном контакте с коммерческим директором и другими службами. И были сделаны необходимые анализы потребительского рынка. Я только вот что подумал. А нельзя ли женщину вставить туда? Ну такую секси, чтобы придать плакату эффект... – Он ищет пальцами в воздухе необходимую фразу.

– ...большей привлекательности? Мы, Алексей Андреевич, как раз готовим параллельную версию плаката. А как вы относитесь к тому, чтобы дать море, или пляж, или дикую природу на фоне женщины?

– Вот. Вот я хотел об этом сказать. Пляж, я думаю, будет очень кстати.

– Ален, – спрашиваю я, – а по вашему мнению, тема сексуальности не повредит имиджу нашего товара? Вы вообще как относитесь к привлекательным женщинам? В рекламе, я имею в виду.

—Очень хорошо. Да. Я полностью согласен. Я вот только хотел спросить еще о фокус-группах.

– Коллеги, вы не могли бы у себя продолжить? Я должен сделать важный звонок. – Кондратов выпроваживает нас за дверь. Я встаю, бросаю на него взгляд и отмечаю, как он кивает мне.

– Алексей Андреевич, так мы вашу идею с женщинами и дальше развиваем, я так понимаю? – спрашиваю я напоследок.

– Ага. Развивайте. Принесите мне посмотреть на недельке.

Гарридо уходит к себе, так и не задав мне больше ни одного вопроса. Даже его спина источает ненависть по отношению ко мне. Что же, у султана всегда несколько жен, а в почете та, которая сумеет его лучше ублажить.

В абсолюте весь бизнес строится на системе круговых отсосов. Ты отсасываешь у своего босса, твои подчиненные, руководители департаментов, отсасывают у тебя, у них сосут линейные сейлсы, твой босс отсасывает у главы компании в Париже, глава всей компании сосет у акционеров, а те, в свою очередь, через благотворительные фонды, экраны телевизоров и программы, посвященные здоровой пище, отсасывают у потребителей (в когорту которых входят также и линейные сейлсы), чтобы те увеличивали потребительскую активность по их товарной группе. Таким образом, получается некий замкнутый круг мультинациональных минетов, в котором непонятно, кто конкретно получает удовольствие. Все одновременно или никто в принципе?

Напевая про себя «The winner takes it all», я захожу к себе в кабинет, беру ключи от машины и спускаюсь вниз, собираясь ехать ужинать в «Галерею».

По дороге я набираю номер телефона Пархоменко, руководителя нашего отдела маркетинга:

– Пархоменко, привет, отдыхаешь?

– Отдыхаю, а ты?

– Гандон ты, Алексей. – На другом конце трубки слышится посапывание. – Макет рекламы кукурузы для колхозов ты делал?

— Мое. А что?

– А ты считаешь, это нормальный такой плакат?

– Ну так... для регионов-то сойдет. Ну, такого Аль Пачино мафиозного дали. Когда он лицом в кокасе лежит, помнишь? По-моему, смешно даже. И я думаю, все сработает.

– А ты ничего поинтереснее не мог придумать, чем чужую идею спиздить и притащить ее за уши к кукурузе? Мне почему не показал исходники?

– Так не успел же. Готово было только в пятницу, ты рано уехал. А в понедельник и вторник я выходной, а чего случилось-то? Переделаем, если чё не так.

— А ни хуя. Я только что твою задницу закрывал перед шефом и Гарридо.

— А френчу-то чего надо?

— Ничего. Он в твоём плакате углядел аналогию с кокосом. Ту самую. Смешную, блядь. Юморист ты мой. Петросян от рекламы. И шефу все досконально показал и даже рассказал, из какого фильма украдено и на что похожа твоя кукуруза. Как ты на ней еще белыми бликами налет не дал, я удивляюсь. Для полноты картины. И ножа еще не хватало, консервного. В виде кредитной карточки. Ага.

— Мать моя в кедах... И чё, скандал большой был?

— На твое счастье, я его замял.

– С меня причитается, босс.

– У тебя есть ночь, чтобы изобразить фокус-группы. Только договорись с приличным агентством, чтобы бланки дали свои. Вадиму моему из сигарет позвони, он все устроит. Фокус-группы должны сказать следующее (я пересказываю ему мои фантазии).

– Так ведь это ж бред, нет?

– Бред – это когда гангстеры кукурузу рекламируют. А это не бред. Это шанс спасти твою жопу.

– Понял. Сделаем. А с плакатом чё теперь?

– Берешь телок, красивые пейзажи и добавляешь туда кукурузу. Слоган только хороший придумай.

– Ага. Ну, как обычно, да? Губищи в пол-лица, сиськи, попки, купальники?

– Ну да. Шеф уже одобрил. Ты только трансвеститов не рисуй, ладно?

– Обижаешь. Ну, извини, в горячке же делали. Взяли первую идею и сляпали.

– У тебя все в горячке. И всегда. Давай, Леша, не подведи. И все копии фокус-групп и нового плаката мне на мыло, о'кей?

– Есть, товарищ комдив. Считаю, что у меня уже все работает.

– У тебя всегда все работает. Ну все, бывай. Аль Капоне хуев.

Я кладу трубку, и чувство выполненного долга переполняет меня. Затем оно плавно переходит в усталость от проделанной работы, затем в осознание того, что в общем-то за день я ничего путного опять не сделал, а потом все это тонет в чувстве голода и желании праздника. Я подъезжаю к «Галерее».

Промоутер

*Пристегнись, наверно, крепче.
Я свою превышу скорость.
Нас с тобой твой друг не увидит вместе,
Мы ляжем по разные стороны полос.*

Мумий Троль. «Скорость»

Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, а также настоящим Положением.
<http://www.gnk.gov.ru/index.php?module=ContentExpress&func=display&ceid=1>

Несмотря на то что сегодня рядовой будний день, в «Галерее», ставшей для московских бездельников новой Меккой и Мединой в одном флаконе, все забито. Куча людей у барной стойки, некое подобие очереди в туалеты, у гардероба. Я захожу в первый зал и выглядываю знакомые лица, чтобы приземлиться за чужой стол, ибо сесть сегодня за отдельный, видимо, малореально.

За столом в углу сидят три девушки, две из которых мне очень знакомы, и трое парней, которые знакомы мне смутно. Вокруг них стоят еще какие-то люди, чьи спины мне совершенно ни о чем не говорят. Я двигаюсь по залу таким образом, чтобы попасть в поле их зрения, и когда девушки поднимают на меня глаза, приветственно машу им рукой. Они начинают улыбаться, я подхожу к столу, расцеловываюсь с ними, парни, сидящие рядом, жмут мне руку и так же, как и я, пытаются вспомнить, где именно мы виделись с ними. Тогда одна из девушек, по имени Наташа, с которой мы познакомились в туалете на закрытии ZIMA, представляет меня, я начинаю улыбаться, парни, сидящие вокруг, тоже начинают улыбаться, мы все начинаем улыбаться и выглядим при этом полными идиотами. Но поскольку здесь так принято, никого, в общем, это не смущает. За столом идет обсуждение того, как подруга Наташи – Илона – приехала вместе со своим бойфрендом с Ибицы. Они оба такие загорелые, что почти сливаются с шоколадным интерьером «Галереи». У Илоны на пальцах много колец из желтого золота, которые в сочетании с ее коричневыми руками наводят на мысль о черном дереве и африканских невольницах из страны Нуб. Но Илона не знает, что была такая страна Нуб, зато ее парень – Фарид – имеет интересы в нефтяной области, и две ее подруги очень завидуют тому факту, что он все время молчит, улыбается и платит за весь стол Visa Gold. Илона ощущает себя королевой вечера, говорит какую-то чушь низким, чуть хрипловатым голосом, подобно итальянке. Мне даже ее голос кажется «загорелым».

За соседним с нами столом еще одна компания просматривает журнал «Robb Report» и вслух обсуждает какие-то новые модели яхт и часов. И один из сидящих, с лицом чеченского принца, рассказывает о том, как летел с компанией в Милан, на «Гольфстриме», что шампанское кончилось рано и они попали в воздушную яму, но зато успели на показ коллекции «Prada», и это того стоило. А его подруга, сногшибательная блондинка, красиво, как в рекламном ролике, пьет «Дайкири» и ест его глазами. И ему это очень нравится, а ей дает

возможность надеяться. Они действительно очень красивая пара, хотя он никогда на ней не женится. Впрочем, какая разница?

К нашему столу подходят разные люди, здороваются и задают два вопроса: «Как отдохнули?» или «Куда собираетесь ехать отдыхать?».

В основном ответы никто не слушает и сразу переходит к рассказу о собственном отдыхе. За те двадцать минут, что я стою у стола, мне стали известны все самые горячие сплетни и все самые актуальные темы этого лета. Мы уже обсудили отдых на Сардинии, последнюю коллекцию Гальяно, нашествие русских моделей в нижний бар «Plaza Athenee» в Париже, сошлись во мнении, что ресторан «Nobu» стал хуже, а в Лондоне сейчас слишком холодно, осудили всеобщее помешательство на футбольном клубе «Челси», решили, что «Prada» уже несколько *demode*. Также мы прошлись по всем мало-мальски раскрученным светским персонажам столицы, порадовались за Аню, которая спит теперь с Федей, посмеялись над очередной датой замужества Ксюши, осудили Антона, который бросил такую замечательную Таню (кто-то при этом вполголоса назвал Таню шлюхой). Фоном проходит тема о надвигающемся банковском кризисе в России, но поднявшего ее сразу успокаивают фразой «Забудь об этом». Никто не хочет говорить о неприятных вещах, это слишком пошло и слишком нагружает. Мы все хотим быть еще более расслабленными.

Я смотрю на пригласившую меня к столу Наташу и как бы спрашиваю ее глазами о моих возможностях сегодня. Она отрицательно покачивает головой, скашивая глаза в сторону приятеля Фарида. Меня это ничуть не расстраивает, я просто говорю Наташе одними губами: «Круто», а она мне таким же образом отвечает: «Одна» – и показывает пальцем на третью подругу, очень молоденькую девушку с русыми волосами и большими голубыми глазами/линзами. Я подношу в знак благодарности два пальца к губам и киваю.

Людское многоголосие сливается у меня в ушах в единый гул, сродни тому, что слышишь, когда прижимаешь к уху морскую раковину. Кто называет это шумом прибора, я же думаю, что этот шум более всего похож на гул толпы. Я пытаюсь, как акустик на подводной лодке, вычленив из этого «белого шума», из этой информационной пустоты суть бесед, ведущихся за другими столами и в проходах между ними, но, кроме верениц названий брендов, ресторанов и женских и мужских имен, ничего не слышу. Уловить эмоциональный фон разговоров также весьма тяжело. Все здесь говорят одними губами, остальная часть лицевых мышц просто не задействована. Лица не отображают ни веселья, ни грусти, ни восторга, ни разочарования. Они просто неживые. Если сильно подпить, то покажется, что на восковых головах красной краской нарисованы рты, которые двигаются, как у мультипликационных персонажей. Частенько даже не в унисон с голосом. Но я-то знаю половину этих персонажей. Здесь те, кто был вчера в «Vogue», те, кто будет завтра на «Веранде», в общем, та группа, которая сидит здесь, как мне кажется, всегда. И никто здесь совершенно не рад друг другу, просто выдавать свои эмоции не принято. Если бы хоть на секунду дать волю нашим чувствам, вы бы увидели исключительно кривые от зависти и тоски морды. Настолько кривые, как будто все разом откусили от зеленого лайма. Настоящая тоска зеленая.

Мимо нас по проходу идут две девушки с застывшими лицами. Они ни на кого не смотрят, замечая при этом, кто с кем пришел, или выбирая сегодняшнего объект для атаки. Стопроцентно – у них на затылке или во лбу имеется третий глаз, позволяющий им оценить рельеф предстоящей битвы. Притом инфракрасный. Способный оценивать содержимое кошельков возможных партнеров.

Ресторан находится в постоянном движении. Люди ходят от стола к столу, заказывают выпивку, официанты приносят заказы, но выясняется, что клиент уже пересел за другой стол. Официант пытается выяснить, куда делся клиент, но это никому не известно, и сидящие за столом оставляют чужой заказ у себя. В конечном итоге не понятно, кто именно что заказал, а главное, кто за все платит? Впрочем, какая разница?

Мне становится скучно, и я прохожу за спину той девчонки, на которую кивнула Наташа. Я кладу ей на плечо руку и говорю:

– Привет.

Она отбрасывает со лба прядь волос и улыбается.

Я начинаю вовлекать ее в диалог:

– Хочешь выпить?

– Вообще-то мне уже хватит, если только чуть шампанского.

– О'кей.

Пока приносят шампанское, она успевает назваться Леной, спросить меня о том, куда я обычно хожу, о том, куда я собираюсь ехать в отпуск, и все такое, что необходимо знать молоденькой девушке перед тем, как уехать в ночь с малознакомым джентльменом.

– Ты работаешь? – спрашиваю я.

– Я учусь. Ну и еще так... подрабатываю на показах моделью. А ты?

– Я тоже модель. Танк «Т-34». Знаешь, из серии «Собери сам». Склеишь меня сегодня? – отвечаю я и целую ее в шею.

Она чуть отстраняется и выпаливает мне что-то вроде «нуишуточкиутебя».

– Извини, я не хотел тебя обидеть.

– Ничего, просто я слегка скованна с малознакомыми мужчинами, – отвечает она и призывно смотрит на меня.

Я быстро вспоминаю, что там говорят в таких случаях эмтивишные мальчики в передаче «Поцелуй на вылет», и отвечаю, что она не похожа на таких, которые сразу знакомятся, и я бы никогда, просто очень волнуюсь и все такое. И я предлагаю ей еще шампанского, а она делает комплимент моим часам, и я уже глажу ее по волосам, а она рассказывает мне про свою подругу, которая сломала ногу «где-то в Альпах, на лыжах». А диск «Costes» «La Suite» играет уже, кажется, целую вечность, притом одну и ту же песню «Doris Days». И люди движутся вокруг, как на подиуме, принимая зовущие позы, как в гляцевых журналах. И у меня создается впечатление, что все мы – герои бесконечного клипа из Fashion TV.

И тут из второго зала выплывает настоящий герой Fashion TV, воплощение клубной культуры и night fever style, человек из первой пятерки московских клубных промоутеров – Миша по прозвищу VooDoo. Говорили, что он уезжал работать в Нью-Йорк и теперь, спустя два года, вернулся. Полный безумных идей и собирающийся открыть лучший клуб города. В воскресенье кто-то из моих знакомых рассказывал мне, что Миша уже начал стройку. Лет пять назад, на заре моей карьеры, мы с Мишей очень часто оказывались в одних и тех же компаниях, кроме всего, когда-то мы учились на параллельных курсах института, пока Мишу не отчислили ввиду слишком насыщенной клубной жизни, вылившейся в неуспеваемость. В общем, мы достаточно тесно общались, и это его сегодняшнее появление меня очень сильно обрадовало.

– Старичок, – крикнул мне Мишка от входа, – ты живой? Это большой талант – выжить в наши дни!

– О да, – смеюсь я, – ты тоже вроде жив? Или это твоя голограмма? А сам ты сидишь в Лондоне?

– Я пытаюсь построить Лондон вокруг себя, брат.

Мы обнимаемся, Мишка здоровается с моими соседями и приглашает меня и мою сегодняшнюю подругу Лену за свой стол. Во втором зале за двумя соседними столами сидит Мишкина компания из десяти человек, юношей и девушек, составляющих авангард прогрессивной московской молодежи, пара лысых серьезных дядек, знакомый дилер по кличке Усы и человек лет тридцати по имени Саша, которого Мишка представляет своим партнером. Кроме того, вокруг стола вьется еще человек десять, стремящихся поздороваться за руку с наиболее известными персонажами из сидящих, чтобы продемонстрировать окружающим

свою принадлежность к сливкам нашего общества. Столы уставлены суши и шампанским, некоторые курят сигары, некоторые пьют коньяк, и на лицах у всех Мишкиных гостей нарисованы успешность и беззаботность.

И все спрашивают друг у друга: «А какое сегодня число, а какой сегодня день недели?» А в ответ слышат: «Да какая разница?»

В этом сезоне, впрочем, как и в предыдущем, в Москве модно изображать, что у тебя каждый день воскресенье. И кажется, что время остановилось и всегда будет лето. Даже зимой. И счастья не будет конца. Все пьют коктейль из веселья напополам с тоской. И все уверены, что эта party никогда не закончится...

Саша рассказывает анекдот про тусовочного наркомана, который спрашивает у своего приятеля:

- А сегодня что, пятница?
- Нет, сегодня вторник.
- А-а, пятница вчера была, да?
- Не, старик, вчера был понедельник.
- Понял. Пятница завтра, да?
- Завтра будет среда.
- Послушай, а что, на этой неделе пятницы вообще не будет?

Все дружно хохочут, кто-то говорит: «Это про нас». И разговор плавно съезжает на тему клубной жизни. В основном все разговоры строятся вокруг трех фраз: «Полный отстой», «Забудь об этом» и «Какая разница?». Кажется, люди собрались здесь, чтобы покидаться этими фразами друг другу в лицо. Все прочие слова являются фоном. Я вместе со всеми веду эту херовую беседу, изредка вставляя свои предложения:

- Говорят, «First» закроется на ремонт...
- Да? Что, после ремонта будет еще хуже?
- Не знаю, но обещают, что будет очень круто!
- Горобий собирается открывать «ZIMA-2».
- Я слышала, что будет называться «Осень».
- Ох, как оригинально!
- Полный отстой!
- Забудь об этом.
- Ходить стало совершенно некуда.
- Гарри собирается заново открывать «XIII», круто, да?
- Этой шутке уже года три, приятель.
- Как и твоему костюму, старичок.
- Забудь об этом.
- Кто знает, куда переедет «Zeppelin»?
- На аэродром в Тушино, ха-ха-ха!
- А когда Оганезов открывает «Миллиардер»?
- В другой жизни, зайка.
- В «Кабаре» будет такая же тоска?
- Наверное. Впрочем, какая разница?
- В «Fabrique» я больше ни ногой, там одни малолетки.
- Зато там можно подцепить студенток.
- Тебе их здесь не хватает?
- Что нового откроет «Mercury» осенью?
- Кладбище haute couture. С гробами по индивидуальному заказу. Срок доставки – полгода.
- Ты шутишь? А где все это время будет лежать покойник?

– Они предлагают клиенту точно обозначить дату своей смерти, чтобы успеть с заказом. Так что поторопись!

– Ты придурок, зайка. Твои шутки – полный отстой.

– А я и не шучу.

– Какая разница?

– Забудь об этом.

– Послушай, в этом сентябре «First», «Poison» и «Bad» будут делать самолет на уик-энд в Турцию?

– Не знаю, впрочем, я туда бы не поехала, там одни наркоманы.

– А ты-то кто? Ха-ха-ха!

– Дура (обиженным голосом). Я последний раз пробовала две недели назад, и то совсем чуть-чуть (показывает объем большим и указательным пальцами).

– А где встречать Новый год?

– Окстись, подруга, на дворе июль.

– Да какая разница?

– А в январе все опять собираются в Куршевель?

– Ой, он так надоел, но выбора нет, придется.

– Там опять будут ВСЕ. Как это скучно.

– Если все надоели, можно поехать в Яхрому. Там тоже горы и лыжи.

– Полный отстой.

Я как-то незаметно выключаюсь и рассматриваю салфетку на столе. Моя новая девушка так увлечена беседой про клубы, что, кажется, забыла о моем существовании.

– А мы стареем, да, брат? – Мишка кладет мне руку на плечо.

– Да, конечно. Это необратимый процесс, – отвечаю я, глядя ему в глаза.

– Тебе скучно здесь?

– Как и везде. Ты прости, твои друзья очень хорошие, но я, наверное, поеду скоро. Ее вон только прихвачу, если она меня еще помнит.

– О... таких харизматичных мужчин не забывают, – смеется Мишка. – Ну, расскажи, как у тебя дела, сто лет не виделись. – Он поворачивается спиной к соседям, как бы демонстрируя сосредоточенность исключительно на нашей с ним беседе.

Я рассказываю ему о работе, своих перманентных телках, наркотиках, московских клубах, потере духовных ориентиров, тоске и безделье. Мы вспоминаем наших общих друзей, из тех, кто еще не умер или не уехал из страны. Наших прежних подруг и их удачные или неудачные замужества. Мишка, в свою очередь, очень ярко и остроумно рассказывает мне о своей работе в Нью-Йорке. О том, как он чуть не женился, о том, в скольких клубах ему довелось поработать. И еще о частных вечеринках в Милане и Берлине, о лондонских диджеях, гомиках из Сан-Франциско, телках из Майами, русских нуворишах в Марбелье, о полетах на частных джетах, наркотических угарах в Париже, швырянии деньгами в Сан-Тропе и Куршевеле, частных клиниках для богатых тусовщиков в Швейцарии, о трансвеститах в Таиланде.

Мишка относится к той категории людей, под чье обаяние ты попадаешь сразу и навсегда. Он настолько легок в общении, настолько небрежен к деньгам, знает всех, и все знают его. Он отчаянный хулиган и при этом весьма манерен и элегантен. Его манера разговаривать и жестикулировать сразу привлекает внимание окружающих. Его хочется слушать, и самое плохое настроение само собой улетучивается. В общем, Мишка – тот человек, которого ты хочешь непременно иметь в друзьях, еще лучше – в близких. Идеальный образ легкомысленного светского денди и думающего человека. И мне кажется, что он никуда не уезжал, так хорошо он осведомлен о происходящем в городе. И вместе с тем понятно, что он провел какое-то время в Европе. Настолько иначе он выглядит.

Я жалуюсь ему на вечную тоску, мертвость окружающих, их лицемерие и пошлость. Рассказываю про то, как я устал от пустых девиц и друзей на один вечер. От всей этой тусовки.

– Ты знаешь, я ВСЕХ ЭТИХ, – он обводит зал рукой, – не воспринимаю как людей. Я столько проработал, устраивая все эти вечеринки, показы и клубы, что понял: лучшее наказание за их глупость и стремление к прожиганию жизни – это плата за мое общество. Причем по двойному тарифу.

– Что ты имеешь в виду?

– Их не стоит ненавидеть. На них стоит зарабатывать. Дайте им самую вычурную идею, самую глупую китчуху за неразумную стоимость. Простебайте их. Подбросьте им самое тупое и пошлое развлечение. И они сами принесут вам деньги.

– Это основная идея твоего нового клуба?

– Практически.

– Кстати, когда открываешься?

– Да вот должны на следующей неделе. У нас заминка небольшая с Сашкой, моим партнером. Ты его не знаешь? Человек жил пять лет в Европе, в основном в Лондоне. Мы с ним там и познакомились.

– А в чем проблема?

– Да ерунда, Господи!.. Типично совковая проблемка. Мы вбухали уже с Сашкой порядка пятисот тысяч, заказали мебель в Италии, свет, звук, заплатили дизайнерам. А наш третий партнер в последний момент соскочил. У него банковский бизнес, а тут сейчас кризис вроде как может начаться, вот он и решил не тратить деньги. Мы чего-то разошлись, решили подороже все сделать. Сейчас нужно примерно сто пятьдесят тысяч строителям. Вон сидим с двумя лысыми «бузизнесменами», хотя к нам в долю прыгнуть за двадцать процентов, но я чего-то с ними не хочу ничего мутить. Напряженные товарищи.

– Обидно из-за таких копеек весь процесс срубить. А тебе больше некого пригласить, что ли, Миш?

– Да народу полный город. Ты же знаешь, я привык работать только с близкими по духу людьми. Мне тут не нужны в партнерах всякие быки, которые сделают из клуба филиал сауны. Ты сам-то как себя чувствуешь?

– В плане?

– В плане – вступить не хочешь? Помнишь, мы лет десять назад мечтали сделать бар в нормальном западном стиле...

– Помню, только какой из меня партнер? Я в этом бизнесе ноль полный. Одно дело тусить, другое дело – тусить тех, кто тусит.

– Ой, не прибедайся. Чего-то я не поверю, чтобы ты не врубался. Ты управляешь бизнесом, оборот которого в десять раз больше любого клуба. Да и в тусовке тебя знают. Так что это не вопрос схемы бизнеса. Это вопрос личной готовности.

– Миш, если ты серьезно, то я подумаю. Я так, с кондачка, не могу. Да и потом, у меня одного нет ста пятидесяти тысяч. Я предложу своему приятелю одному.

– Не заморачивайся, брат. Я так просто предложил. Надумаешь – звони. А сейчас я хочу еще в одно местечко прокатиться, сняться с алкоголя. Ты как?

– Я запросто.

– Ну и отлично. Я сейчас счет закрою и поедем, отдохнем узким кругом. – Мишка обворожительно улыбнулся. – Старик, ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть.

Мы собираемся и идем к выходу. Сидящие в первом зале провожают нашу группу глазами. Некоторые показывают на Мишку и что-то говорят своим соседям. Черт возьми, при всей глупости этого как же приятно находиться в центре внимания. Девушка Лена, увидев,

КАК близко я общаюсь с Мишкой, уже не отходит от меня, хватает на выходе за бицепс и эротичным шепотом спрашивает:

– А куда мы едем?

– Навстречу мечте, – отвечаю я. – Главное, не забудь пристегнуться. Скоро взлетим.

Пока мы едем на машине в другое место, я предаюсь сладким мечтам о том, что из меня может получиться отличный партнер в этом новом клубе. И что этот шанс не только путь к денежным потокам и вниманию окружающих, но и к возможности впервые заниматься делом, которое меня не напрягает. Которое доставляет удовольствие, а главное, позволяет рулить мыслями и кошельками этих московских пустышек. Мне так хорошо, я настолько умиротворенно себя ощущаю, что чуть не прожигаю себе брюки. Тлеющая сигарета обжигает мне пальцы и возвращает в действительность. Я чертыхаюсь и выкидываю сигарету в окно.

– Все в порядке, брат? – улыбается мне Мишка с переднего сиденья.

– Все о'кей. – Я показываю ему поднятые вверх два пальца, на манер Ясера Арафата.

– Скоро приедем. Там здорово. Ты не сильно торопишься?

– Я вообще не тороплюсь...

И вот наша компания заявляется в этот клуб/кафе/ ресторан, находящийся где-то в Тверских переулках. Мы входим как настоящие кинозвезды. У одного в руке початая бутылка шампанского, другой курит сигару, третий обнимает двух девушек. И все мы громко говорим по мобильным телефонам, смеемся во весь голос и всячески демонстрируем исключительную сосредоточенность на самих себе. Хотя весь этот спектакль играется только ради того, чтобы на нас поскорее обратили внимание. Желательно все сразу. И девушка Лена спрашивает меня искрящимся от радости голосом:

– А где мы находимся?

– Я не знаю. Впрочем, какая разница?

И в этот момент она прижимается ко мне еще плотнее, наводя на мысль о том, что именно такой ответ она и хотела услышать.

Мишка проводит всех в диванную зону, где мы занимаем два стола, и сразу начинает здороваться со всеми сидящими вокруг. Здесь несколько иной контингент, чем в «Галерее». Моложе и свежее. И у всех мальчиков прокачанные руки, а у всех девочек прокачанные животы. Все очень спортивные, слегка загорелые, кричаще модные и гиперсексуальные. Одним словом, молодые боги, с шикарными спортивными телами, пышущими здоровьем, и совершенно порочными лицами, с нездорово блестящими глазами. Все говорят полупшепотом, маняще улыбаются друг другу одними губами и время от времени трогают себя руками за лицо, как бы проверяя, все ли на месте.

И все беседы строятся здесь вокруг двух диаметрально противоположных тем – наркотиков и здорового образа жизни. Со всех сторон только и слышится:

– Тридцать подходов, как обычно, брали у Вани, как всегда, она на диете по Волкову – полностью раздельное питание, кокос пополам с «герасимом», новый корт с хорошим баром, у этого парня всегда есть небодяженный, тренерша весьма секси, эта сучка, симпатичная дилерша из Литвы, плавали два километра, меня держало часа два, молодец парень, не забывает про тренажеры, ага, он уже полгода по вене двигается, сбросил два килограмма за неделю, у него норма два грамма в день, я сегодня умру, если не поеду в фитнес, я щас сдохну, если не возьму, пресс у него прокачан на пятерку, у него скоро носовая перегородка исчезнет, сжигатели жира, MDMA, у нее свой второй размер? у него есть первый номер? попробуй в моем СПА-салоне, лучше не пробуй ЛСД, я после спортзала, я на отходняках, поехали завтра в солярий? пойдем в туалет?

Так и живут. Утром к тренеру, вечером к дилеру. С утра изматывают себя тренажерами, вечером – наркотиками. Мне кажется, что они так усердно занимаются собственным здоровьем утром только для того, чтобы было чего гробить вечером.

Из диванной зоны периодически отходят по направлению к туалету парочками. Возвращаются. В туалет уходят другие и так далее.

Мой сосед рассказывает о том, как хорошо вечерами ездить на летнюю площадку в районе Экспоцентра на Пресне. Какой там чудесный парк и хороший воздух, и единственное, что там не очень удобно, – это туалеты, и поэтому все берут из машин компакт-диски с клубной музыкой и идут в парк, в темноту. И парк вечерами кажется наполненным светлячками, из-за вспыхивающих тут и там огней зажигалок.

А я, в свою очередь, озвучиваю мысль о том, что, когда эти чудесные люди-светлячки с горящими глазками уезжают обратно в ночь, утром в парк приходят играть дети, которые натыкаются на брошенные там и сям почти новые компакт-диски с модной музычкой. И дети, вероятно, думают о том, что в этом парке поселился такой специальный Оле Лукойе, который одаривает их каждым утром новинками актуальной клубной музыкальной культуры. Или в этом районе каждую ночь идет волшебный дождик из компакт-дисков. И еще, продолжая я, роль светлячков в жизни этих детей очень важна. Во-первых, они оставляют после себя компакт-диски, а могли бы использованные презервативы или еще какую-нибудь гадость типа игл, которыми дети могли уколоться. Во-вторых, они приобщают детей к хорошей музыке, чем способствуют популяризации отечественной диджей-культуры. И все рады. И дети, и светлячки. Хотя я подозреваю, что за всеми этими чудесами стоят наши музыкальные промоутеры, которые просто придумали новый вид распространения продукции своих подопечных в массы.

На секунду после моей тирады все замолкают, затем заливисто хохочут. Таким образом, я становлюсь медиагероем вечера. И мне все улыбаются и хотят со мной выпить. Но продолжается это все минут десять, пока очередной юморист не рассказал более смешной истории.

И на пике моей популярности возвращается Мишка с конвертом и передает его одному особенно долго хохотавшему над моей шуткой товарищу, который, в свою очередь, зовет меня глазами в туалет. Исходя из того, что товарищ – Мишкин знакомый, и находясь на волне всеобщего позитива и братства, я иду вслед за ним.

В туалете он высыпает некоторую часть содержимого конверта на стеклянную полочку над раковиной (эта пошлая полочка – неременный фетиш любого уважающего себя клуба), и я начинаю растирать стафф клубной карточкой. Я убираю одну дорожку самостоятельно. Традиционно несколько раз втягиваю ноздрями воздух, чтобы остатки вещества всосались в носоглотку, и говорю всего одно слово:

– АД!

Кокаин в самом деле очень хорошего качества.

Затем я протягиваю свернутую купюру своему содороднику (если есть собутельники, то должны быть и содородники?), и в этот момент дверь в туалет с жутким грохотом распаивается настежь. В кабинку вваливаются двое парней, одетых на манер модников, завсегдаев дискотеки в Гольяново, один из которых, низенький толстяк, с ходу бьет мне в нос. Первые мысли, посетившие мои затуманенные мозги: каким образом охрана пустила в клуб этих лохов, да еще и позволяет им устраивать драки с vip-посетителями? Кто вообще они такие? Они думают, что это сельская дискотека? Может, они спутали меня с парнем, который пригласил на танец жену одного из них? С каких это пор в клубные туалеты стали врываться колхозники, мешающие релакснуться ударникам капиталистического труда? Мир сошел с ума? Вообще, WHAT THE HELL IS GOING' ON?

Колхозные танцоры довольно быстро представляются. Второй парень, с весьма интеллигентным, несколько кавказским лицом, начинает махать перед моим остекленевшим лицом ксивой, сопровождая это действие выкриками:

– Федеральная служба по контролю за наркотиками! Стоять на месте! Спокойно, блядь! Спокойно, я тебе сказал.

Первый при этом продолжает бацать мне кулаком под ребра. И бубнить мне в ухо что-то угрожающее, вроде того: «Дернешься – тебе пиздец». Они довольно быстро закручивают мне руки за спину, в туалет вбегает третий (ростом еще меньше первого) и начинает засовывать лежащий на полке конверт со стаффом мне в карман. Тут до меня наконец начинает доходить, что это не клубный маскарад, эти ребята сделают все, чтобы превратить мое дьявольское удовольствие в райский отдых сроком на пять лет.

Действительно, раз это ад, то в нем, само собой, должны быть и демоны? Такие весьма осовремененные демоны. Без рогов и копыт, зато с ксивами и наручниками.

В общем, вышеуказанные демоны выводят меня из туалета и ведут через весь зал, обняв за плечи с двух сторон. Скорее всего со стороны мы выглядим как троица сильно выпивших педиков. Причем двое так сильно сжимают в объятиях идущего посередине (меня то есть), что кажется – они сейчас задуют его в объятиях в порыве страсти. Для полноты картины было бы неплохо, если бы один из них сделал что-то еще более подчеркивающее наши с ними близкие отношения. Ну, например, облизал бы мне ухо! Или схватил бы за задницу! Отчего-то мне дико смешно. Где-то в глубине мозга я понимаю, что попал в очень неприятную историю, но воспринять ее всерьез мое сознание пока отказывается.

– А танцевать мы пойдем? – спрашиваю я (мне кажется, что юмор способен разрядить некую неловкость, повисшую между мной и работниками органов).

– Ты щас, сука, потанцуешь, – возникает из-за моей спины третий (который самый маленький), – ты чё, не врубаешься? Мы ща тебе устроим такие танцы.

– А тебе не рано по клубам ходить, нет? Тут, по-моему, вход только для тех, кому уже исполнилось восемнадцать...

– Ты, казел, думаешь шутки шутить? Я тебе щас нос сломаю, если рот не заткнешь. – Он чуть оттесняет идущего слева от меня, слегка бьет мне по почкам и жарко говорит мне в ухо. Мне кажется, он еще и подпрыгивает при этом.

– Товарищи, не позволяйте ему меня бить, а? И потом, у него изо рта воняет. А травить газами заключенных запрещено различными мировыми конвенциями в защиту гуманного обращения с людьми. Россия, между прочим, их участница.

Третий чувак перекашивает лицо от злости и, вероятно, очень хочет меня ударить.

– Спокойно, Паша, спокойно, – говорит ему тот, что с кавказским лицом. – Ты бы не кривлялся, а? Тебе лишние проблемы нужны? – Это уже мне.

Воистину, опер с кавказской внешностью говорил мне чистую правду. Во-первых, человеку, живущему в мегаполисе, не следует употреблять вообще никаких наркотиков. В этом городе и так все безумцы, и ускорять/изменять свое сознание весьма чревато. Во-вторых, если вы все-таки употребляете различные стимуляторы, и в особенности делаете это в общественных местах, стремясь таким глупым образом приобщиться к гламурной части населения, будьте готовы к тому, что рано или поздно ваши экзерсисы закончатся в кабине следователя. В-третьих, и это самое главное, оказавшись в подобной ситуации, не стоит хамить представителям органов. Работа у них, как это ни банально звучит, очень нервная. Каждый раз, вытаскивая из туалета или салона автомобиля обдолбанного тусовщика, они испытывают жесткий когнитивный диссонанс. Подумайте о том, что содержимое вашего носа потянет на изрядный процент их официального жалования, а уж поход в заведения, которые вы посещаете, является для них серьезной тратой. (Речь идет о рядовых сотрудни-

ках, а не об их начальстве, разумеется.) Таким образом, сталкиваясь с вами лицом к лицу, они очень сильно хотят наказать своего классового врага. Причем сделать это на месте. А тут еще и вы провоцируете их своими дурацкими выходками. Чем больше вы взвинтите ситуацию, тем хуже/дороже все для вас закончится. Самое главное, что вы должны понимать в любой момент своей жизнедеятельности: нет ничего такого, за что вас нельзя было бы привлечь к ответственности. В особенности когда вас ловят со свернутой купюрой в носу. У всех своя работа, приятель...

Меня выводят на улицу, и тут наши отношения теряют весь романтически-гомосексуальный флер. Не особо церемонясь, они нагибают мне голову вниз, еще сильнее заламывают руки и вытаскивают из кармана мобильный телефон.

– А как же звонок другу? Адвокату в смысле? – спрашиваю я.

– Мы не в Америке. У тебя там, может, героин вместо батареек?

– Ага. И еще шприц там же, – уже не так весело говорю я.

На место телефона в карман мне запихивают еще что-то. В голове стремительно вечерет.

Вся сцена разыгрывается на глазах у охраны клуба, которой я успеваю крикнуть:

– Позвоните Мише, у меня неприятности!

В этот момент на меня надевают наручники и заталкивают на заднее сиденье припаркованного неподалеку «жигуленка». На заднем сиденье уже кто-то есть.

– Что, дилера взяли? – осведомляется он у приведших меня.

– Ага. У него там все в правом кармане, – отвечает ему один из моих «спутников».

Поскольку руки у меня защелкнуты в наручники, за спиной, потрогать, что еще, кроме моего конверта, у меня в кармане, я не могу. К нам назад подсаживается какой-то новый человек с весьма угрюмым лицом. Таким образом, я оказываюсь между двух сотрудников органов. На переднее сиденье и за руль садятся двое понятых. Которые так и представляются:

– Здрасьте. Мы это... понятые, кароче.

Тот, кто сидит справа от меня, начинает допрос, стандартно интересуясь, нет ли у меня «предметов, запрещенных действующим законодательством к ввозу, хранению и т. д.».

Я, так же стандартно, отвечаю, что «кроме тех, что положили мне в карманы ваши сотрудники, не имею».

– То есть наши сотрудники только и делают, что носят с собой наркотики и всем их подбрасывают? – уточняет он.

– Ну не всем, вероятно, на всех производство не рассчитано.

– Может, перестанем дурачиться и все расскажем, как оно есть? У кого брали, кому перепродавали, давно ли этим занимаемся?

Я понимаю, что всеми этими постановочными вопросами-утверждениями во множественном числе – «перестанем дурачиться», «расскажем», «занимаемся» – создается эффект вовлечения меня в необходимый диалог. Вроде того, что это не я один сейчас расскажу, «давно ли я ЭТИМ занимаюсь», а мы вместе с этим ментом пройдем долгий путь от преступления до наказания. Срок, надо полагать, или «административку», мы также разделим с ним на двоих? Прием не новый, знакомый мне из тренингов по продажам, но иногда работающий. Параллельно со стороны прочих участников сцены дознания начинается жесткий прессинг:

– Смотри, его вырвет сейчас, как он уколбашен. Слы, ты в машине только не блюй!

– Ну чё, как торговать да нюхать – смелость есть, а ща чё сник?

– О-о-о-о, да у него в карманах нормально. Парень, ты хоть понимаешь, СКОЛЬКО ТЕБЕ ДАДУТ?

То есть все идет по плану. Хороший следователь должен сочувствовать плохому парню и задавать хорошие вопросы, тогда как плохой следователь должен просто издеваться. Стоит ли говорить, что раздавленный натиском правосудия плохой парень должен в конце концов все рассказать хорошему следователю?

В этот момент мой рассудок (несколько расслабленный алкоголем и кокаином) отчего-то преобразается. С одной стороны, у меня довольно четкое ощущение, что я смотрю на ситуацию со стороны, как кино. А с другой стороны, у меня возникает абсолютная ясность мышления, позволяющая мне весьма четко отвечать на поставленные вопросы.

Я совершенно отстраненно наблюдаю, как из моих карманов достают деньги, ключи, документы, конверт с кокосом, целлофановую скрутку с чем-то белым внутри. Я отвечаю на вопросы весьма стандартно, как бывалый наркоман (зашел в туалет – там лежало, что в кармане, не знаю, подбросили), в руки ничего не беру, сколько денег в карманах, называю точно, и прочее, что странно, если учесть, что данный инцидент в моей жизни впервые.

Прошло уже минут пятнадцать, руки у меня уже достаточно занемели, и тут я говорю им:

– Ребят, может, хватит? Вы не того взяли. Я не дилер, я продвинутый пользователь.

– Какие мы тебе ребята?

– О'кей, девчонки. Ну все-таки, может, уже прекратим весь этот цирк?

Я получаю весьма ощутимый удар под ребра, сопровождаемый фразой:

– Все ясно, сейчас поедem в контору, сделаем у него пробу из-под ногтей, тогда посмотрим, что его, а что не его. Подбросили ему, ага.

В общем и целом ситуация – херовей некуда. Попал, как говорится, «наглушняк».

И тут открывается задняя дверь нашего «газенвагена» и в проеме, как *deus ex machine*, появляется Мишина голова. Он что-то говорит сидящему слева от меня оперу, тот выходит наружу и через несколько минут вытаскивает меня. Совершенно спокойно, как гардеробщик, он расстегивает наручники, возвращает мне паспорт, кошелек, ключи и говорит:

– До свидания.

Я, в некоторой сомнамбуле, стою около машины, пока Мишка не берет меня за руку и не уводит. Мы возвращаемся в клуб, садимся за столик, он наливает мне виски и говорит:

– Все нормально, старичок, они просто перепутали. Ну, бывает всякое, расслабься.

– Сколько я тебе должен? – спрашиваю я.

– Брось, да все о'кей. Ничего не надо. Люди должны помогать друг другу.

– Откуда они взялись? Это же не облава плановая, я так понимаю?

– Старик, давай забудем, а? Проехали. Главное, что все вопросы решили.

– Нет, ну скажи, ну откуда они взялись? И очень интересно – где мой партнер? Куда это он сразу делся? А?

– Я прошу тебя, я тебя умоляю, – говорит он мне на ухо, обнимая меня. – Ну мало ли в жизни пидарасов? Ну, мы после разберемся и воздадим. Не ломай себе голову, мы уже все решили, о'кей?

– Миша, ну ты же понимаешь, что этот парень слился совершенно не случайно?

– Старик, это все уже случилось с тобой ВЧЕРА. Догоняешь? ВСЕ! ЭТО уже прошло! Завтра у тебя будет новый день. Будут новые эмоции, и все забудется. Я тебе рассказывал, как я, увлеченный одной девчонкой в Лос-Анджелесе, поехал к ней домой и от волнения перепил и заснул в туалете? Я наутро думал, что жизнь закончена. Рассказывал или нет?

И я понимаю, что он все делает правильно, пытаюсь рассказать мне все самые глупые истории из своей жизни, чтобы вывести меня из ступора и вернуть ситуацию в тот временной отрезок, в котором ничего еще не произошло. Но я продолжаю находиться в состоянии шоковой отстраненности. И мне несколько не по себе от того, что я выгляжу убитым, а еще более от того, что Мишка видит, как именно я выгляжу. И ситуация в целом совершенно

дурацкая. Мне бы сто раз сказать ему «спасибо», а ему сто раз несколько небрежно ответить «не за что». А вместо этого он сидит и утешает меня. И от этого мне еще более херово. И вот наконец Мишка решает противопоставить моему состоянию свою проблему.

– Поверь, я в течение трех дней должен найти деньги на завершение ремонта клуба. И мир может перевернуться, а я все равно должен это решить. И сегодня вечером для меня это проблема, а завтра уже нет. Потому что я не могу показывать, что у меня проблемы, иначе не выжить. И я уверен, что в конце концов все решится положительно, потому что хорошие люди всегда выигрывают. И мне кто-то поможет. Потому что хорошие люди должны друг другу помогать. И тогда все в жизни становится на свои места.

И я слушаю его, продолжая пребывать в этом заторможенном состоянии, обвожу взглядом окружающих, пытаюсь прочесть на их лицах сочувствие, сопереживание или хотя бы заинтересованность. Но нет. Ничего подобного. Судя по их лицам, кажется, что они вообще не заметили моего отсутствия.

И тут один из тех красивых и спортивных парней, в красной бейсболке, говорит мне:

– Старик, а они у тебя все забрали, или ты успел сбросить? Оставил чего?

Я отрицательно качаю головой.

– Жалко. Ну ладно, проехали, забудь об этом, – говорит он и хлопает меня по плечу.

И в тот момент, когда я готов послать этого парня, Мишка кладет мне руку на плечо и говорит так, чтобы все это могли услышать:

– Поверь. Есть те, кому не все равно. И на этом все строится. Главное – встретить таких людей.

И после этого Мишка провожает меня до такси, сажает в машину, мы долго прощаемся и обнимаемся. И, отъезжая, я смотрю назад и вижу стоящего Мишку, который поднимает вверх большой палец, как бы говоря мне, что все будет хорошо.

И всю дорогу до дома я сижу совершенно расклеившийся от нахлынувшей сентиментальности. Я думаю о том, что мир еще не до конца скурвился и есть люди, готовые тебе помочь, ничего не прося взамен. Хотя в сегодняшней ситуации я мог бы отдать многое. И я завидую тому, что Мишку не изменил ни статус, ни деньги, ни амбиции. И еще я завидую себе. Почти разуверившемуся в людях персонажу, который совершенно случайно встретил человека, внезапно вынырнувшего из нью-йоркско-лондонской тусовки. Человека, который приехал в Москву открывать клуб, а заодно с этим открыть мои глаза. И эта встреча кажется мне совершенно логичной. Нет, я не загоняюсь в паранойю о мессии, которого я так долго ждал. Я просто начинаю верить, что многие вещи еще имеют ценность и все гораздо проще и, местами, честнее, чем я думаю.

И мне очень смешно, что тем единственным человеком, способным разобраться в московских хитросплетениях, оказался человек из Лондона. И еще я начинаю ощущать такое позабытое мной чувство благодарности.

И я чувствую, что я, кажется, встретил человека, на которого могу рассчитывать. И мне хочется чем-то его отблагодарить, хотя он, безусловно, ни о чем таком наверняка не думает.

Я выхожу из машины и набираю номер своего приятеля Вадима. Потом смотрю на часы и понимаю, что лучше отправить СМС. Что, собственно, я и делаю: «Вадим, я завтра приеду к тебе в офис. В 10.00. Дело на сто рублей».

Отправив наш условный пароль, я иду домой. Я очень хочу быстрее проснуться в Завтра.

Perfect day

*Just a Perfect Day
You made me forget myself
I thought I was someone else
Someone new*

*It's Such a Perfect Day
I'm Glad I spent it with you
Such a Perfect Day
You Just keep me hanging on
You Just keep me hanging on*

Lou Reed. «Perfect day»

Как только стеклянные двери бизнес-центра разъезжаются передо мной в стороны, я сразу замечаю, как от противоположной стены отделяются два фотографа и начинают щелкать фотоаппаратами.

«Что, уже? Слава? Так быстро?» – осой проносится по моему сознанию первая и совершенно естественная мысль по этому поводу.

Но стоит мне повернуть голову налево, как я вижу трех полуголых девушек, возлежащих на стойке ресепшн. Они-то и являются объектами для съемки. Вероятно, происходит фотосессия для статьи «Твоя новая секретарша» в очередном глянцевого журнала для мужчин, «прекрасных душой и телом». А меня папарацци пока еще не знают в лицо. «Что ж, так оно, пожалуй, спокойнее», – уже в кабине лифта рассуждаю я.

Я выхожу из лифта и подхожу к стойке охранников. Пока мне отмечают пропуск, я любуюсь видом, открывающимся с двадцатого этажа башни «Сити-2000» на набережную Москвы-реки. Я подхожу вплотную и прижимаюсь лбом к стеклу. Город лежит у меня под ногами, и мне очень нравится думать о символичности момента. Я стою и смотрю, как солнце начинает поливать Москву своими лучами, пока охранник не обращается ко мне:

– Все в порядке?

– Да, да. Все хорошо. Я просто задумался.

Я беру пропуск и иду к кабинету Вадима. Перед дверью я останавливаюсь, смотрю на носки собственных ботинок, широко улыбаюсь и вхожу к нему.

– Виски хочешь? – говорит он вместо приветствия.

– Ты сумасшедший? Время одиннадцать утра. Или мы прямо с утра пить начнем?

– Старик, ну где-то же уже ночь? В Нью-Йорке, например.

Вадим выходит из-за стола, жмет мне руку, мы обнимаемся и проходим к окну.

– День сегодня прекрасный.

– День сегодня просто потрясающий, – отвечаю я, настраиваясь на волну собеседника.

С Вадимом мы знакомы уже лет семь. Когда-то давно мы встретились на дне рождения у нашей общей знакомой. Я не помню, кто именно из нас за ней тогда ухаживал, впрочем, это уже никому из нас не важно. Тогда мы познакомились, с ходу нашли друг друга потрясающими и напились, как водится. В то время нас объединяли совместные интересы в литературе, кино, спорте, музыке. Мы говорили о политике, таскались на какие-то выставки современного искусства, пили в скверах, ездили на дискотеки, посещали рок-концерты, обсуждали наши первые карьерные успехи и неудачи. Мы даже отдыхать ездили вместе довольно часто. Страшно подумать, что мы иногда занимали друг у друга деньги. Затем Вадим женился, мы стали реже видеться, сменился круг общих знакомых и общих интересов (которых ни у кого из нас, честно говоря, не осталось). Но, как это ни странно, из виду друг

друга не теряли, регулярно созваниваясь, поздравляя с Новыми годами, днями рождения и прочее. Хотя все знают, что мы лучшие друзья и у нас много общего, я могу констатировать, что из общих интересов, спустя все эти годы, у нас остались девушки, совместные посещения вечеринок и общий дилер. Вот, собственно, и все. Не так уж и плохо для истории семилетних отношений на сегодняшний день. И мы с удовольствием играем в «лучших друзей», коль скоро ни у кого из нас никаких друзей нет в принципе.

Вадим трудится директором по маркетингу в крупном международном табачном концерне. В сфере его деятельности лежит продвижение брендов компании в индустрии развлечений, что просто великолепно, учитывая его образ жизни. Визуальное позиционирование в клубах, ресторанах и казино, поддержка разного рода вечеринок и светских мероприятий, колоссальные бюджеты, десять человек персонала – что может быть лучше для того, чтобы умереть молодым?

– Вадим, – начинаю я, – ты помнишь, в воскресенье ты говорил мне, что Мишка Зеленов открывает новый клуб?

– Так об этом уже вся Москва говорит, у него открытие на следующей неделе.

– Вчера я встречался с Мишкой. Он уже отделяет помещение.

– И чего? Мы пойдем работать к нему фейсконтрольщиками?

– Это вряд ли. У него денег не хватит нам на зарплату.

– А что тогда?

– Понимаешь, у них какие-то трудности с третьим партнером. В последний момент он спрыгнул. Они уже везут мебель, начали заниматься косметикой внутреннего пространства и сейчас ищут деньги. Сто пятьдесят тысяч. За двадцать процентов доли.

– Чего-то мало просят. Тебе не кажется?

– Они вообще не просят. Мне вчера Мишка предложил как бы между делом. У них сегодня встреча с какими-то инвесторами, уже готовыми на этот проект. Клуб просуществует восемь месяцев, соберет весь аншлаг, и они собираются потом менять площадку. Там есть все необходимые лицензии, разрешения, согласования и т. д. Это место, где раньше был ресторан. В общем, у них цейтнот, и, я думаю, есть реальная маза вписаться. Вот так вот вкратце.

– А кто еще в партнерах? – Вадим проходит обратно на свое место. По тому, как он крутит в руках ручку, я понимаю, что его обуревают те же чувства тщеславия и тяги к клубному бизнесу.

– В партнерах некто Саша. Они с ним за границей познакомились где-то. Вменяемый парень, и, судя по всему, основные деньги его. Он вчера сидел в «Галерее» с какими-то полумолигархами.

– Интересная тема. Все, что откроет Мишка, так или иначе сработает. Этот инстинкт мартышек все победит у нашей тусовки. Ну и что ты обо всем этом думаешь?

– У меня есть пятьдесят тысяч свободных. Ну, я могу еще столько же занять, но хотелось бы работать со своими. Тебе интересно?

– Не знаю даже. С одной стороны, очень заманчиво, с другой стороны, как-то надо подумать.

– Вадим, тут думать долго не стоит. Либо да, либо нет. Мне кажется, все очень реально. Понимаешь, люди ждут таких шансов всю жизнь, а нам требуется только сказать «да». И через полгода (говорю я эротичным голосом) мы станем богатыми и знаменитыми. Понимаешь, чувак?

– Как Ян Шрагер и Стив Рабелл?⁴

⁴ Ян Шрагер и Стив Рабелл – владельцы клуба «STUDIO 54» в Нью-Йорке. Клуба, ставшего легендой мировой ночной жизни.

– Круче, чувак. Этих парней в Москве знают только любители читать западные глянце-
вые журналы без перевода. А таких ввиду недостатка языкознания не много.

– Только я не хочу умереть от СПИДа! – смеется Вадим. – Можно же открыть клуб и
не умереть от СПИДа?

– Старик, Рабелл был гомиком. Ты же не гомик? Или чего? Может, ты уже начал встре-
чаться с прикольным парнем? Скажи, охмурил нового сотрудника в своем отделе?

– Тьфу на тебя. Слушай, ну это реально интересно. Это очень интересно. А как они
хотят деньги? Кэшем?

– Я не выяснял еще подробностей. Нужно ехать смотреть помещение и узнавать, как
и под какие документы будут переводиться деньги.

– Когда тебе нужно дать им ответ?

– Я обещал перезвонить сегодня до часу дня.

– То есть у меня для принятия решения есть еще часа полтора?

– Поверь, старик, ты уже согласился, просто не готов это признать. Давай я пойду в
туалет, а когда вернусь, ты обнимешь меня и скажешь что-то вроде: «Партнер, ты даже не
представляешь, как здорово, что мы вместе».

– ХА-ХА-ХА-ХА! И поцелую тебя в губы, да?

– Поцелуешь меня в нос. В нос, который по ветру. Ты просто не понимаешь, я принес
тебе лучшую новость в этом году.

Я открываю дверь и подхожу к писсуару. Потом оборачиваюсь по сторонам и думаю
о том, что сейчас откроется дверь и зайдет какой-нибудь сотрудник компании, который
будет пялиться мне в спину, как обычно это делают, когда видят в туалете своей компании
незнакомца. Потом он обойдет меня и встанет справа, чтобы заглянуть мне в лицо. От этой
мысли мне становится несколько неуютно, и я перехожу в кабинку, закрыв за собой дверь.
В кабинке мне становится еще более неуютно, учитывая события вчерашнего вечера. Мне
снова кажется, что дверь с шумом распахнется и опять увижу этих парней. Меня оконча-
тельно запирает. Я открываю дверь кабинки, сажусь на унитаз и закуриваю. Кажется, вчера
я приобрел очередную фобию. Прямо какая-то «туалетная паранойя». Я курю и размыш-
ляю над тем, что можно бы и показаться психоаналитику, или попить антидепрессанты, или
пойти в спортзал, или стать вегетарианцем. Я смотрю на рулон туалетной бумаги, прикре-
пленный к правой стене, потом я перевожу взгляд налево и вижу пластиковую полочку на
уровне глаз. В этот момент мне становится смешно, и я понимаю, что просто взвинчен вче-
рашним и очень волнуюсь, что Вадим откажется. Я бросаю недокуренную сигарету в унитаз
и иду обратно.

Вадим сидит в своем кресле и говорит по телефону. Когда я вхожу, он прощается с
собеседником и кладет трубку.

– У тебя даже в казенном туалете полочки, – смеюсь я.

– А что делать? Стараемся моделировать ситуации в обстановке, приближенной к
реальности. Мы же маркетологи или где?

– Вы что, в самом деле там хуячите? Совсем головы нет?

– Бывает. Seriously, в одной из смен есть охранник, который сидит на пульте, контроли-
рующем камеры. Его один мой сотрудник как-то раз встретил в кафе «Poison» основательно
удолбанным. Потом они еще где-то жрали вместе экстази. И теперь этот паренек изредка,
в смену этого охранника, ходит в туалет юзать. Издеваецца, ха-ха-ха. И рассказывает потом
мне, как он нюхает и показывает камере в потолок на полку – «тебе, мол, оставить?». Каж-
дый разнообразит свое рабочее время как может. Ты этого паренька, кстати, знаешь. Максим,
который занимается разработкой макетов. Талантливый такой креативщик.

– Да я смотрю, у вас тут талант на таланте. Что ни охранник, то промоутер. Ну что,
поеду я. Ты, как надумаешь, позвони.

Вадим снова встает, проходит к окну, потом от окна к двери кабинета, потом возвращается к столу, выдвигает свое кресло и ставит напротив меня. Картинно в него садится и спрашивает:

– Послушай, будущий партнер, сколько ты реально сможешь занять?

– Я же тебе сказал, тысяч пятьдесят, не больше. А что, у тебя основной вопрос в деньгах?

– Да нет, просто я подумал, если бы ты занял еще двадцать пять тысяч, было бы круто. Мы бы вложились по семьдесят пять, и было бы все просто здорово.

– Давай так и сделаем. Только нужно посмотреть место и документы перед тем, как соглашаться. Во сколько поедем?

– Давай вечером? Часов в семь? И потом, главное – документы. Помещение-то они полюбому раскрутят, мы же при условии этого и входим.

– Да... но все-таки. О'кей. Вадим, я позвоню Мишке и договорюсь на семь. А сейчас поеду работать.

– Ты в свой концлагерь сейчас?

– Ага. Arbeit macht frei!

– Ты уже и так чересчур свободен, разве нет? – Вадим делает характерное движение носом.

– Человеку всегда есть куда двигаться. – Я шевелю пальцами левой руки и массирую вены.

– Да ну тебя к черту, езжай уже, клоун.

Я открываю дверь, и Вадим говорит мне в спину:

– Партнер... хорошее слово... тебе нравится?

– Ага. Очень гомосексуально. – Я поворачиваюсь к нему и игриво помахиваю пальцами.

Вадим быстро комкает лист бумаги и кидает в меня. Я ловко закрываю дверь и иду к лифтам.

В лифте я стою, прижавшись спиной к задней стенке. Слева от меня стоит умопомрачительная красотка в плотно сидящем брючном костюме, расстегнутой под пиджаком белой рубашкой (чуть более расстегнутой, чем того требует бизнес-этикет, расстегнутой так, чтобы был виден ярко-красный лифчик). У нее прямые светлые волосы, пухлые, чуть вывернутые губы и наглые голубые глаза (впрочем, это наверняка линзы). Она говорит по мобильному телефону и свободной рукой чуть нервно постукивает пальцами с длинным маникюром по бедру. В общем, она безумно сексуальна. Сексуальна до неприличия, до такой степени, что хочется остановить лифт и наброситься на нее. Сорвать с нее пиджак и впиться губами в грудь. Еще мне хочется верить в то, что и она была бы весьма не против подобного поворота сюжета.

Справа от меня стоит еще более интересный тип. Довольно большой дядька, в джинсах, огромных до нелепости туристических ботинках, мешковатой куртке, плотно надвинутой на брови черной бейсболке и с бесформенной сумкой на плече. У него широкоскулое, несколько детское лицо, черная борода и очки с невероятно толстыми стеклами. На вид ему что-то около сорока лет. Одежда, в сочетании с этой шапкой и бородой, делает его похожим на сказочного гнома. Хотя, конечно, никакой он не гном, а бывший старший научный сотрудник, с кучей публикаций за спиной, не один год разрабатывавший одну очень интересную тему, но волею случая ставший курьером. Он смотрит на блондинку широко раскрытыми глазами, кажущимися просто огромными из-за толстых стекол. Скользит взглядом по ее телу, чуть краснеет, и по всему видно – очень ее хочет. В какой-то момент в его глазах появляется вспышка, он расправляет плечи, приоткрывает рот, и кажется, вот сейчас он отбросит всю свою природную робость и сделает шаг по направлению к ней. Обе его руки чуть отходят

от тела, как у пингвина, готовящегося перепрыгнуть кочку. Но вот глаза его потухают, плечи расслабляются, и он чуть опускает голову, как будто осознав всю бесперспективность своих желаний или вспомнив поговорку про Сеньку и шапку. Лифт доезжает до первого этажа, двери открываются, и блондинка выходит. Он уныло плетется за ней, я за ним. Мы вместе выходим из здания. Блондинка и курьер расходятся в разные стороны. Он останавливается, чтобы еще раз посмотреть ей вслед, затем снова расправляет плечи и бодрым шагом уходит прочь.

Я сажусь в машину и долго не трогаюсь с места. Эта сцена лучше всего иллюстрирует человеческое существование. В нашей жизни имеется некоторое количество моментов, когда ты, вот так же, как тот курьер, загораешься, чтобы сделать что-то особенное. Перейти свой Рубикон, поднять планку и так далее. Сменить работу, поменять подругу, уехать в другую страну. Одним словом, ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ.

Ты живешь с этой мыслью несколько дней, месяцев, лет. Затем она постепенно отходит на второй план, ты понимаешь, что рыпаться бесполезно, все равно ничего не изменится. Ты все больше попадаешь в плен заскорузлых идей разряда «всяк сверчок – знай свой шесток», «где родился – там и содился» и прочих мерзостей, подрезающих человеку крылья с рождения. Конечно, ты многое оправдываешь средой обитания. Воспитанием, устоями, родителями, которые с детства отучали тебя совершать необдуманные поступки. Ты вспоминаешь все то, что могло бы оправдать твое бездействие и стиль жизни, подобный бревну на лесосплаве. А ведь кто-то делает в этой жизни резкие движения? Кто-то вот так же запросто находит своих блондинок в лифтах? Им просто везет?

О да, ты и в этом случае найдешь себе оправдание в том, что огромное количество людей, бросающихся к солнцу, так и сгорают, не долетев до него. Единицам везет. Но все-таки лучше вот так. Без особых колебаний и риска для здоровья. Спокойно и размеренно, ибо все предопределено. Вот так и получается армия курьеров, несущих самих себя к пункту доставки, именуемому «Судьба», в надежде получить у адресата чаевые «за ноги». Но судьба не особенно щедра на чаевые. В лучшем случае хватит на замену стоптанных по дороге ботинок. Бездействие и безволие – вот два бича населения Среднерусской возвышенности. Будь я на месте ребят из «NIKE», я бы точно сменил промо-слоган для территории России с «Just do it» на «Do something».

Естественно, основной задачей этих моих херовых умствований является сооружение правового базиса для собственного шага. Я все-таки решил что-то сделать. В правильном ли направлении я двигаюсь, вот в чем вопрос.

Я вынимаю из кармана мобильный и набираю Мишку. Через несколько гудков он отвечает мне.

– Привет, Миш.

– Привет, старичок, как ты?

– Нормально все вроде. Спасибо тебе еще раз за вчерашнее.

– Ой, хватит, ну сколько можно. Забудь об этом.

– Мишка, помнишь, мы вчера говорили про твой клуб?

– Да, конечно. Ты что-то надумал?

– Да, мы хотим с моим другом посмотреть помещение, документы и все оформить, если мы друг другу понравимся.

– А что за друг?

– Вадим. Сигаретник один, ты знаешь его наверняка.

– Смирнов?

– Да.

– Конечно, знаю. Отличный парень. Мы хорошо знакомы. Во сколько вы хотите приехать?

– Давай в семь?

– Отлично. В семь. Записывай адрес.

Я запоминаю адрес, прощаюсь с Мишкой, перезваниваю Вадиму с подтверждением нашей встречи, потом звоню на работу, узнаю новости и сообщаю свое мифическое расписание встреч вне офиса. Обещаю приехать в шесть. Желания ехать на работу нет никакого. Зато очень хочется выпить, поехать на природу и поговорить о чем-то высокодуховном. Закурив, я решаю позвонить своей знакомой девушке, Юлии, которая вот уже более года является для меня одновременно собеседницей такого рода, психоаналитиком и объектом для вздыханий на расстоянии, если хотите. В общем, это единственная моя знакомая девушка, отношения с которой мне совершенно не хочется портить своими настойчивыми ухаживаниями. Хотя в целом я очень не против. Более того, частенько алкоголь заставляет меня думать, что отношения пора переводить из разряда вздыханий в разряд близости, но каждый раз случается что-то, что мешает этому. Вероятно, мы так долго существуем в «бесконтактном» режиме только потому, что провидением задумано, чтобы в моей жизни оставалось что-то совершенно отличное от моих повседневных знакомых телочек. Или просто не настал еще один такой прекрасный августовский вечер, когда эмоции перевесят духовность и меня потащит в омут страстей. И я очень жду этого вечера, а с другой стороны, очень его боюсь, потому что уверен, он будет каким-то особенным, и не уверен, смогу ли я ему соответствовать.

Мы договариваемся встретиться через полтора часа, и я сажусь в машину, продолжая пребывать в отличном настроении. Я еду по Кутузовскому, разворачиваюсь под мостом, выезжаю на набережную, потом поднимаюсь вверх, к зданию мэрии. Проезжаю мимо нее, потом мимо американского посольства и за ним поворачиваю на Садовое кольцо. На Садовом весьма слабый поток, и я понимаю, что правильно сделал, когда не поехал по бульварам. Разворачиваюсь в сторону Маяковской и ухожу переулками на Патриаршие. Я очень хочу прогуляться пешком, успокоить нервы и системно выстроить мысли. Тем более что сегодня просто потрясающий день.

И вот я уже иду по Спиридоньевскому переулку, мимо гостиницы «Марко Поло Пресня Отель», дохожу до кафе «Донна Клара», сворачиваю налево и оказываюсь на Бронной. Через несколько минут я выхожу к Патриаршим прудам.

Я, как и многие москвичи, по-особому отношусь к этому месту в Москве. Студентом я сидел на скамейках у прудов со своими еще не искушенными в «науке страсти нежной» подружками-сокурсницами, болтая о музыке, любви, нашем потрясающем (не исключено, что совместном) будущем, о глобальной проблеме надвигающейся сессии, которая казалась тогда единственной и самой страшной проблемой для нас.

Еще мы катались тут зимой на коньках, целовались весной в переулках вокруг прудов, пили вино. Это место всегда будет нести для меня печать легкости и беззаботности бытия. Здесь всегда будет весна и всем окружающим всегда будет восемнадцать. Даже тому старику с газетой, который выглядит еще молодцом в свои семьдесят пять. Что же, такими, какими мы были, мы уже не будем...

На «Патриках» ощущается центр тяжести города. Хотя центром Москвы считается Красная площадь, я никогда ее не воспринимал подобным образом. Возможно, из-за того, что это самое не московское место, ввиду обилия гостиниц, ГУМа, туристов, уличных продавцов из «канадской компании» и гостей столицы.

Возможно, из-за того, что она слишком перегружена государственностью, различными атрибутами власти – от Кремля до машин со спецсигналами.

Патриаршие пруды – совсем иное. Особенно если выходить к ним со стороны Садового кольца. После шумной, гудящей и забитой машинами городской артерии, где пульс мегаполиса чувствуется острее всего, ты попадаешь в анклав спокойствия. В любое время года в районе Патриарших особая аура. Когда ты видишь множество людей, неспешно гуля-

ющих вокруг пруда или сидящих на лавочках, ты понимаешь, что время здесь течет медленнее. Кажется, что этот квартал вокруг пруда окружен невидимыми стенами, состоящими из Спиридоновки, Спиридоньевского переулка, Бронной и Ермолаевского. Стенами, которые не пропускают внутрь себя гадость и уродство остальных частей города. Зимой кажется, что даже снег здесь падает медленнее, искрясь под фонарями и плавно превращая день в вечер, а вечер в ночь. В отличие от каких-нибудь Текстильщиков, где ночь надевается тебе на голову в пять часов вечера. Резко, как холщовый мешок для хранения картошки.

Патриаршие пруды – некий форт, задуманный ангелом-хранителем Москвы для того, чтобы москвичи могли укрыться за его стенами. Во времена, когда город безнадежно изменится, потеряет свою патриархальность, самобытность, свой особый диалект с «булошными» и «лавками» наших бабушек, сметенных селом из вновь прибывших, говорящем на тюркско-хохлацкой языковой смеси, изобилующей американизмами и блатным сленгом. Это место дает тебе возможность выйти из образа собаки, бегущей за подвешенной костью, и войти в человеческое состояние. Разобраться со своими мыслями и рассуждениями. Если ты, конечно, еще не потерял способность мыслить в век высокоскоростного Интернета и мира без границ.

Не исключено, что гражданин Булгаков после хождений по Москве, общения с прототипами Босого и Лиходеева, с членами МАССОЛИТа, напивавшись их энергетикой, сотканной из зависти, мздоимства, карьеризма и лицемерия, скрывался за стенами этого форта и замешивал противоядие от пошлости окружающей его действительности из морфия пополам с собственным талантом. Не случайно, что именно здесь, на Патриарших, появился Воланд. Князь, раздавший всем сестрам по серьгам.

Все это приходит мне в голову, когда я брожу вокруг пруда и плаваю на волнах собственного умиротворения. Воистину сегодня прекрасный день.

Звонит мобильный, и я слышу голос Юлии, которая сообщает мне о своем приезде.

– Ты где? – спрашиваю я.

– Выхожу к пруду слева.

Я оборачиваюсь и вижу ее, идущую по Бронной. Она улыбается, и солнце, светящее за ее спиной, придает ее каштановым волосам такой особенно теплый, бархатный оттенок.

– Привет, – говорит она, – у тебя какой-то сказочный вид, кажется, что ты помолодел. Знаешь, совсем как мальчишка.

И я смотрю на нее, дурачки улыбаюсь, и мне кажется, что опять наступил тот день, более года назад, и мы только что познакомились, и я снова слышу:

– Молодой человек.

– Да? – Я оборачиваюсь.

– Вы не подскажете, как проехать к Трехпрудному переулку?

– Вам надо повернуть чуть дальше направо. Хотя вряд ли вам стоит ехать туда. Парковаться на Трехпрудном в это время практически невозможно. А вы куда направляетесь? Возможно, я покажу вам более короткий путь.

– Спасибо большое. А вы тут гидом-экскурсоводом работаете? Вы всем, кто к вам обращается, так подробно объясняете и подсказываете наикратчайшие пути?

– Всем, кто обращается? Ну, безусловно, не всем.

(Господи, милая моя, если бы ко мне кто-нибудь обращался на улице в последнее время, исключая просьбу закурить. Сударыня, да вы первая, кто заговорил со мной за последний год на улице. Вы хотя бы понимаете всю ответственность и особую печать момента? Для меня, во всяком случае.)

Я вспоминаю наш диалог годичной давности, эти самые первые минуты нашего знакомства и спрашиваю ее:

– Юля, тебе сегодня на Трехпрудный не надо?

– Не-а, мне сегодня надо гулять, болтать и всячески бездельничать.

– Тогда пойдем гулять. Знаешь, действительно, я сегодня ощущаю себя восемнадцатилетним мальчишкой...

– Это так здорово. Я давно таким тебя не видела. У тебя какие-то особенно хорошие новости?

– Ага. Ты знаешь, я чувствую, что сегодняшний день унесет все мои депрессии, перепады настроения и прочую ерунду. Я затеваю новый проект, и у меня такое свежее, эмоциональное чувство. Или мне так кажется, в общем, я очень хочу новизны.

Мы гуляем вокруг пруда, курим, обсуждаем присутствующую здесь неформальную молодежь и целующиеся парочки. И я рассказываю ей про свое попадалово с кокаином, про ментов, про жуткий стресс, про грядущий клубный проект, стагнацию в бизнесе клубной жизни Москвы. Сдабриваю всю это клубными историями проектов в Штатах, Европе. Говорю о собственной готовности к проекту и о том, что все должно измениться и я очень в это верю. Еще я говорю ей, что устал от ежедневных кривляний, клубных девочек и клубных приятелей. Что хочется вернуться на десять лет назад, гулять здесь восемнадцатилетним студентом, и чувствовать любовь, которой вокруг так не хватает, и чувствовать потребность любить и потребность отдаваться без остатка. А она слушает меня, ее глаза меняют цвет по мере моего повествования от грустно-зеленого до искрящегося изумрудного, и когда я заканчиваю, она гладит меня по голове и говорит:

– Прекрасно, тебе давно пора измениться. Знаешь, иногда мне кажется, что тебе нужно просто успокоиться и перестать совершать глупые поступки. Просто осмотреться и понять, что вокруг тебя столько любви и ты просто не хочешь ее замечать. А иногда мне очень страшно за тебя. Ведь на самом деле ты очень хороший, просто заигравшийся в циника. И тебе не нужны никакие маски, тебе просто нужно перестать себя раскачивать, и все будет очень хорошо. Просто поверь, что все будет очень хорошо.

– Юленька, я очень хочу поверить, очень. Я очень устал бороться со скукой, устал от бесцельных тусовок, пустых друзей и безмазовых выходных. Мне просто очень нужно поверить. И еще мне хочется, чтобы рядом находился кто-то, кто может сказать мне, что все действительно изменилось к лучшему... Я очень хочу, чтобы наступил тот момент, когда мне больше не захочется прятать свои эмоции.

– Момент наступит, мальчик мой, он обязательно наступит. Тебе только нужно снова стать восемнадцатилетним. И перестать замыкаться на окружающем негативе. И тогда прятать эмоции уже не будет никакой нужды...

И тут мимо нас проносится футбольный мяч, посланный не слишком точным ударом каким-то местным Роналдо. Мяч скатывается вниз, скачет по кочкам и шлепается в воду. Вслед за мячом появляется и сам смущенный исполнитель удара, он чешет затылок и говорит «блин». Мы смотрим друг на друга, я с улыбкой, он с недоумением. И тут я чувствую какой-то порыв и решаю достать этот улетевший мяч.

Я сбегая вниз, к пруду, и мальчик спускается сзади меня. Мяч лежит довольно далеко от берега, так что дотянуться рукой практически невозможно. И я начинаю сожалеть о своем благородном порыве, но тут в траве я вижу отломленную ветку. Я беру ее в руку и пытаюсь дотянуться до мяча. Я цепляю его самым кончиком ветки так, что он начинает вращаться в сторону берега и от него расходятся круги по воде. Когда мяч практически подплывает к нам, я на секунду отрываю свой взгляд от него и смотрю на воду.

В воде отражаемся я и стоящий сзади и чуть выше меня мальчик. От мяча расходится очередной круг на воде, и в тот момент, когда рябь пробегает по моему отражению, создается интересный визуальный эффект. Отражение искажается волнами. Таким образом, что мужчина в деловом костюме сменяется мальчиком в спортивных штанах. И так происходит несколько раз, подобно переливающимся картинкам на календариках времен нашего

детства. Несколько раз мое отражение плавно перетекает в изображение этого мальчугана. Я поворачиваюсь и смотрю на паренька, который это тоже заметил и широко улыбается. Видимо, ему кайфово. Потом я перевожу свой взгляд на Юлю, которая также уже спустилась и смотрит на воду каким-то очень теплым взглядом, исполненным нежности и грусти одновременно. И мне в этот момент становится слегка не по себе, будто кто-то шкрябает горло изнутри. Мальчик берет свой мяч, говорит «спасибо» и уходит. Мы поднимаемся наверх, идем по аллее и отчего-то не обсуждаем тему сменяющихся картинок. Как будто не хотим чего-то нарушить. Хотя поле для фантазий разного рода более чем обширное. И в какой-то момент я, сам того не замечая, беру ее за руку. Мы останавливаемся на аллее как вкопанные, она прижимается ко мне и тихо говорит:

– Мне сегодня очень хорошо. Мне очень хорошо с тобой...

И я хочу ей сказать, что так хорошо мне еще никогда не было и что я готов бродить с ней часами вокруг Патриарших или каких-нибудь других прудов, что мне хочется звонить ей каждое утро, а еще лучше просыпаться с ней. И у меня как-то слишком сухо во рту, и вместо того чтобы озвучить ей все мои переживания, я просто говорю ей:

– Сегодня просто потрясающий день...

Потом мы гуляем по окрестным улицам, я слушаю ее рассказы про подружку, у которой две собаки, про то, как она потерялась в парке Горького, когда была маленькой, про старое советское кино и прочую ерунду, от которой мне становится очень тепло и спокойно. Я смотрю на нее, улыбаюсь, иногда вставляю свои комментарии, и мне совершенно не хочется расставаться с ней сегодня. Но потом мне звонит Вадим, и я понимаю, что мне уже нужно выезжать. Мы прощаемся, и я еще долго смотрю ей вслед. Она оборачивается и машет мне рукой, прежде чем скрыться за поворотом, а я думаю о том, что у нее потрясающие длинные ноги, что она чуть выше меня ростом и что я уже начинаю скучать по ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.